

ВЕСТНИК

СТИНЫ

1

1986

**Воскресное богослужение Кишиневской церкви
у стен разрушенного молитвенного дома.**

Духовно-назидательный журнал Союза церквей евангельских христиан-баптистов

Какой удивительный инструмент — душа человека! Но еще удивительнее Тот, Чьи руки его настраивают и воспроизводят на каждой струне такой звук, который составляет гармонию духа и мелодии: тут и низы глубинных переживаний, и верхи взлетов духа, и синкопы злободневности, и четкий ритм непрестанных молитв.

И думается иногда: ну почему никак не удается составить хороший хор и оркестр, чтобы насладиться совершенством? И зреет в душе ответ: это потому, что пора уже начинать разучивать те гимны и мелодии, которые мы будем петь в небе! Это такие песни, которые не прерываются под натиском сует земных и искушений, это такая интонация, где не фальшивит криводушие и все произносятся слова четко и ясно.

Не такому ли исполнению учит нас Бог в Своей школе, когда влекут нас в суды, где мы должны открыто исповедать нашу веру в Господа Иисуса Христа?! Не этому ли учит нас Бог в наших благословенных собраниях, в делах милосердия и в личных отношениях?

Едва ли найдете вы на земном шаре такой хор, где техничность гармонировала бы с духовностью. Потому-то и рвется душа в небеса. Потому так сладко предвкушение, которое мы уже имеем в каждом созерцании вечного, в каждой победе над злом, в каждом проявлении любви и жертвенности!

Так пой же, душа моя, невозможная боль и усталость! Так не смолкайте же уста мои, когда бьет в лицо студень ветер гонений и просит хлеба плоть! Пой и не переставай удивляться прекрасному! Пой, вслушиваясь чутко в отзвуки Неба и в стройную поступь гонимого братства, ибо путь земной еще не пройден, битва житейская еще не завершена и песня земная еще не пропета до конца...

В. П. Зинченко — узник в Господе

Духовно-
назидательный
журнал
Союза
церквей
евангельских
христиан-
баптистов

■
Издается
с 1963 года

■
Выходит
ежеквартально

СОДЕРЖАНИЕ

Огонь пусть не угасает (И. Я. Сенкевич) 2

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Патмос, где открывается небо (Б. Шлинк) 4
Что напишут о тебе? 8
Когда ты молился последний раз? (Э. Д.) 11
Молот Слова Божьего 13
Почему Христос должен был уйти? (Г. Друммонд) 14
«Умерщвлен верный свидетель Мой» (И. П. Плетт) 20
Дар дела 22

ИЗ ЖИЗНИ БРАТСТВА

В радостях и в скорбях 24

СТРАНИЧКА УЗНИКА

Божьи университеты (Р. Д. Классен) 32

ПОДВИЖНИКИ БОЖЬИ

Генри Друммонд 37

ХРИСТИАНСКАЯ СЕМЬЯ

«Этого я не вынесу» 41

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Нам пишут 42

Огонь пусть не угасает

И помни весь путь, который вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет... чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет. Втор. 8, 2

Давно уже скрыт от взоров людей столп облачный, под защитой и водительством которого шел народ Израильский из Египта, но не скрыт от нас Тот, присутствие Которого наполняло эти столпы. Он с нами и поныне! Ибо сказано: "...се Я с вами... до скончания века" (Мтф. 28, 20).

Для народа Израильского присутствие Господа Бога было крепким оплотом, опорой, источником и единственной надеждой жизни. Без этой силы народ Израильский не смог бы освободиться от рабства Египетского.

Судьба и жизнь Церкви и каждого верующего в отдельности и в настоящее время полностью зависят только от Бога. Кто верует в Сына Божьего и живет в Нем, в том духовная жизнь бьет ключом, растет и развивается. Когда же присутствие Господне утрачено,— души оскудевают.

Без этой силы народ Израильский, выйдя из Египта, не смог бы сохраниваться. Он оказался бы, как стадо овец без пастыря в пустыне, и обречен был бы на разорение, расхищение и погибель.

Если бы Господь Бог не был постоянным спутником в нашей духовной жизни,— мы не смогли бы разрешить тех трудностей и проблем, которые неоднократно встречали и теперь встречаем в нашем повседневном пути.

Вспомним пройденный путь за последние двадцать с лишним лет. Господь подарил нам не одну, а много побед. И тот, кто с радостью продолжает идти

верным путем, имеет преимущество видеть эти победы, тогда как многие уже на первом этапе убоялись, повернули назад, чтобы снова "в Египте" есть репчатый лук. Участь таковых незавидная: лук, хотя и репчатый, но весьма горький. Над ними исполняются слова: "Бог одиноких вводит в дом, освобождает узников от оков; а НЕПОКОРНЫЕ остаются в знойной пустыне" (Пс. 67, 7).

В Псалме 77 сказано: "Не скроем от детей... возвещая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил... Чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтоб они в свое время возвещали своим детям, возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дел Божьих..." (ст. 4, 6, 7).

Слава Богу, что Он дал нам эту победу и теперь наши дети вместе с нами в собрании! Это прекрасная победа Господня.

Мы проводим наше независимое служение, имеем общения, братские совещания, печатаем хлеб духовный,— и все это несмотря на гонения и преследования. И это победа Господня!

Мы ходатайствуем об осужденных за Слово Божье наших братьях и сестрах с преданной любовью и без всякого страха, исполняя некогда оставленную нами заповедь Божью. И это славная победа Господня!

А теперь мы нуждаемся в серьезном исследовании своего пути: стоим ли мы и сейчас под этими славными знаменами побед Господних? Ценим ли

эти милости Божьи, явленные народу Своему в ответ на горячее желание служить в чистоте и святости Ему единому?

Апостол Павел писал Галатийским верующим: "Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине? Такое убеждение не от Призывающего вас" (Гал. 5, 7—8).

"Шли хорошо, кто остановил?" — не обращен ли сегодня этот вопрос Апостола Павла и к нам? Не угас ли у некоторых дух ходатайств? Почему кто-то возвратился и пошел назад? Апостол Павел говорит: "Ибо, если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником" (Гал. 2, 18). Там, где нет ревности в заступническом служении, где страх плотской овладел сердцами,— такие общины постигает духовное обнищание. Мы, бывает, собираемся на наши общения, решаем, совещаемся, обещаем оказывать духовную и материальную помощь семьям узников нашего братства, отправлять ходатайства об узниках и многое другое, но в церквях проводим все только по своему усмотрению. А где то, о чем говорили, о чем рассуждали, что решили сделать?

Раньше мы это делали ревностно и с охотой: писали ходатайства о братьях и сестрах, страдающих за Слово Божье, посещали их в лагерях и тюрьмах, поощряли дело печати нашего издательства,— и все это исполняли с любовью.

"Кто остановил вас? Так ли вы несмысленны, что, начавши Духом, теперь оканчиваете плотью? Столько много потерпели вы, неужели без пользы?"

Что сказал бы нам теперь Апостол Павел, глядя на нашу пассивность, халатность, на наше равнодушие, гордость?

Есть рассказ об олени, подошедшем к реке напиться. Увидев свое отражение в воде, он залюбовался рогами. "Какие они красивые,— подумал он. — Вот только ноги слишком тонки и длинные, а так все было бы хорошо". Вдруг откуда ни возьмись — лев. Олень со страху пустился бежать. Место было ровное,

гладкое, и он далеко убежал и уже радовался своему спасению. Но лев не упускал из виду своей добычи и продолжал гнаться. Олень тогда побежал куда глаза глядят, лишь бы только скрыться. И вдруг перед ним — лес. Олень бросился в кусты и там в ветвях запутался рогами. Тут лев и схватил его. Понял тогда олень, что виноваты были его рога, которыми он гордился. Они погубили его.

Как эти "рога" и в наши дни губят отдельные души! Но хуже всего то, что эти души этого не замечают. Братья, не "рога", а свет, любовь и жертвенность нужны теперь нам! "Огонь пусть не пререстанно горит на жертвеннике и не угасает",— читаем мы в книге Левит 6, 12—13. Каждое утро священник должен был приносить дрова для огня и класть жертвы для сожжения. И это должно было совершаться постоянно.

Во дни Иудейского царя Езекии, при освящении дома молитвы в Иерусалиме, по Господнему уставу "стали левиты с музыкальными орудиями... и священники с трубами. И приказал Езекия вознести всесожжение на жертвенник. И в то время, как началось всесожжение, началось пение Господу, при звуке труб и орудий... И все собрание молилось, и певцы пели, и трубили трубы, доколе не окончилось всесожжение" (2 Пар. 29, 26—28). Окончилось всесожжение, окончилось все.

Так и теперь в нашей духовной жизни. Когда мы посвящаем себя на жертвенник, тогда имеем радость и победу. А угас огонь, прекратилась жертва,— прекратилось торжество, остановилась победа.

Что нам нужно в настоящее время? Покаяние! Нужно, братья, каяться и поправить светильники свои в церкви. "А если не так, скоро придут к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься" (Откр. 2, 5).

ПАТМОС, где открывается небо

Базилия ШЛИНК

(главы из одноименной книги)

ОТ АВТОРА

Поздним летом 1975 года Бог дал мне возможность быть на острове Патмос. Друзья предоставили мне маленький домик, где была полная тишина и время для молитвы. Бог даровал мне провести там несколько недель.

На этом острове, примерно в 95–97 гг. после Рождества Иисуса, проживал в изгнании Апостол Иоанн. Он сам свидетельствует о том в Откровении: "Я Иоанн... был на острове, называемом Патмос, за слово Божье и за свидетельство Иисуса Христа" (Отк. 1, 9). За свидетельство Иисуса Христа Иоанн был изгнан во время преследования христиан, что было для него большим страданием, о чем он и пишет: "Я Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа" (Отк. 1, 9).

Я часто поднималась по ослиной тропинке вверх к пещере, которая с первых веков христианства засвидетельствована как историческое место, где Апостолу Иоанну было даровано Откровение Иисуса Христа. То, что произошло тогда, до сих пор еще живо ощущается в атмосфере этого грота. Войдя в пещеру, меня овеяло присутствие Божье, и грот показался мне священным храмом. Я должна была преклонить колени, где не только ступали ноги Апостола Иоанна, любимого ученика Иисуса, но и явился Сам Иисус Христос со Своим величественным Откровением.

Я побывала уже во многих местах, имевших значение для Царства Божьего, и была благословлена тем, что когда-то происходило там чрез Великие Деяния Божьи в жизни

слуг Его. На этом святом месте содрогнулось сердце мое пред величественным Деянием Господа и Царя нашего Иисуса Христа, происходившим здесь. В маленьком проспекте об острове Патмос сказано: "Уже однажды Сын Божий снизошел в пещеру. В гроте Вифлеемском Он снизошел как воплотившееся Слово Божье, как Младенец. Скалистая пещера в стране Израильской услышала первый плач Новорожденного Сына Божьего". В то время как в Вифлееме Он явился в смирении и кротости,— в гроте на острове Патмос Он предстал Иоанну во всей Своей Славе и Величии. Доля этого Величия открылась и мне, когда я погружалась в тихую молитву, проводя долгие часы в молитвенном уединении.

Место, где Иоанн упал как мертвый перед явлением Могущества Судьи Иисуса, передано по традиции и в настоящее время огорожено. Над ним висит картина, изображающая происшедшее. Глядя на картину, я читала к тому Откровение Иоанна: "И, обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персам опоясанного золотым поясом: глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его — как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи; и голос Его — как шум вод многих" (Отк. 1, 12–15).

Я поняла, почему Иоанн упал как мертвый. Как любимый ученик Иисуса он возлежал на груди Его. Иисус склонялся к нему и открывался как другу Своему. Из уст Его Он слышал благословенные слова. Но теперь пред ним предстал другой Иисус. Его голос был подобен шуму многих вод. Его очи горели священным гневом и ноги Его, подобны

халколивану, как раскаленные в печи. Величие Иисуса повергло его ниц, и тогда раздался Голос, повелевший ему: "Пиши".

Иоанн должен был написать могущественное Откровение Иисуса, возвещающее пришествие века Гнева Божьего. Но он не мог повествовать другим о Гневе Бога и Его Суде, прежде чем сам не познает Судной Власти и Величия Иисуса Христа. Сначала он должен был сам до глубины души ужаснуться пред Иисусом как разгневанным Господом и Судьей, и лишь тогда он смог писать, что люди в последнее время перед Лицом Его ужаснулись до смерти. Он мог повествовать только о том, что пережил сам.

Великие страдания верующих в последнее время Иисус мог показать Иоанну лишь потому, что Иоанн в своей жизни пережил длительный тяжкий период испытаний и жил на Патмосе в глубоком страдании. Он был единственным из учеников, умершим не мученической смертью, и остался один. По старым преданиям он жил до изгнания на остров Патмос в Ефесе с матерью Марией, которую Иисус, будучи на кресте, поручил ему как мать, и избрал его быть ей сыном. Когда Мария была отозвана в Отчий Дом, он снова остался один. Иоанн должен был провести на земле еще некоторое время. Проходили десятилетия, но он все еще не мог вернуться в Небесную Обитель, в Отчий Дом, к своему возлюбленному Господу, с Которым был так тесно связан.

Наконец, уже в преклонном возрасте, когда ему было свыше 90 лет, при императоре Домициане начались вновь гонения на христиан. Снова многие братья были отозваны к Господу, но Иоанн и на этот раз остался жив и должен был жить в изгнании на этом языческом острове, где никого не знал и был гоним всеми. Поэтому он и пишет церквам в их страданиях, что он их соучастник "в скорби и в терпении".

Но теперь, как плод его страданий, ему дается Откровение. Иоанн снова может слышать голос своего Учителя, говорящего ему могущественно и с благоговением: "Не бойся; Я есмь первый и последний" (Отк. 1, 17), "Я есмь твой Господь, Которого ты знаешь, Который любит тебя".

Апостол Иоанн со всеми его страданиями и переживаниями бесконечной Силы Любви

Иисуса Христа и скорбного Гнева его Господа стал мне совершенно близок, особенно в те дни, когда я молилась в пещере. Волнение и трепет охватывали меня, как Иисус открывал Иоанну видение последнего могущественного сражения между Небом и адом, между Светом и тьмой и дарил ему взгляд в сокровенные Планы Божьи. Также привело меня к великому изумлению то, что Иисус открыл Иоанну славу, уготованную Им тому, кто возлюбил Его. Он дал узреть ему завершение всех Путей Божьих.

Молясь в пещере, я преклонялась перед Господом с познанием потрясающего факта, что удостоилась пребывать здесь в то время, когда пророчество, дарованное Иоанну почти две тысячи лет назад, приходит в исполнение и становится действительностью. Настал час начинающегося снятия покровов с видений для последнего времени. Это заставило меня пасть на колени, преклониться, молясь: "Свят Бог! Он Альфа и Омега! Что Он говорит, исполняется всегда!".

И это стало действительностью: мы подошли к началу страшного времени, пронизывающего ужасом каждую страну. Террор, войны, катастрофы, голод и смерть царят на земле, ибо она погрязла во грехе, беззаконии и возмущении. Богохульство царит среди языческих и антихристианских, и среди так называемых христианских народов. Богохульные музыкальные ревю, обозрения, журналы допускаются даже и в верующих кругах. В христианских странах объявляется: "долгой Бога!" Грех растет во всем мире и вопиет к небу, ибо Вавилонская блудница, отрекшаяся церковь, богохульничающая в союзе со зверем, поднимает свою главу. Народы земли пьют из куба блудницы вино мерзости и упиваются им, как это видел Иоанн (Отк. 17, 3 и пр.).

Поэтому и должен последовать теперь ответ на вопиющие к Небу грехи всех народов — Суд Божий! Из уст Иисусовых выходит "острый с обеих сторон меч" (Отк. 1, 16) и начинается время Божье, ибо мы живем теперь в преддверии антихристианского времени. Близится время, когда Лицо Господне, терпеливое и кроткое Агнца, превратится в Лик разгневанного Агнца, пред страшным лицом Которого возопиет человечество к горам и камням: "Падите на нас и сокровите нас

от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца" (Отк. 6, 16).

Но так же, как Иисус благоволил Апостолу Иоанну, когда тот в смиренности и в священном трепете пал перед Ним, это действительно и по отношению к нам: кто склоняется искренне кающимся грешником перед Господом во прахе и кто может прощать другим прощением Христовым, того меч не коснется. Смерть поразит многих верующих, но не меч Гнева Суда Его, а меч ненавистников Его, поражающий верующих мученической смертью.

Когда возьмут верх несправедливость и грех, то прольется мученическая кровь, ибо сатана ненавидит Иисуса и Его учеников. Это время ненависти к христианам сейчас уже наступило.

Ни одну страну не пощадит преследование христиан, происходящее уже во многих странах. Поэтому и должна была я помолиться: "Сделай меня готовой жить сегодня так, Чтобы я могла завтра пострадать за Тебя".

С начинающимся исполнением Откровения в наше время раздаются призывы к верующим: приготовьтесь, час настал, Суд Божий стоит у порога! Это охватило сердце мое там, в пещере на острове Патмос, и я стала о том писать. Господь просветил меня о последнем сражении между Светом и тьмой, о сражении между двумя царствами и двумя войсками в последнее время. Он показал мне действительность Гнева и Суда Господнего, а также различные группы тех, которые преодолевают во Славе Господней, как это сказано в Откровении. Ибо Откровение представляет не только грядущий адский ужас, гибельную силу сатаны и его наступление на учеников Иисуса, оно в то же время единственная книга Библии, возмещающая нам о Святом Городе с Его невыразимой Славой, оваянной Светом — цель странствования и дающая силу последователям Его в самой мрачной долине выдержать испытание. Эта книга, разоблачающая "зверя", дает тем более воссиять Агнцу Иисусу на Престоле Славы Его в покоряющей сердца Красоте, в Победоносной Силе, в Царственном Величии, как Солнце Правды, как приводящий к концу все свирепствования и соблазны

зверя и всю власть его, торжествуя в Победе через Свою терпеливую Любовь и Свою жертвенную Смерть, ведущую к совершению всех Путей Господних с человечеством.

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ — КОГДА ОТКРЫВАЕТСЯ НЕБО И РАЗВЕРЗАЕТСЯ БЕЗДНА

Последнее время — это время, когда исчезают все бывшие до этого масштабы, когда как бы отменяются все промежуточные стадии, все промежуточные области. Откровение показывает нам только высшую Небесную Славу на Престоле — Град Божий и, с другой стороны, всю глубину преисподней — ад.

Последнее время — это время распутия: одни возносятся в Небесную Высь, другие низвергаются в бездну ада. Плоды соблазна достигают полной зрелости и подвергаются Последнему Суду. Если, образно говоря, в плоде скрывался малый червь и начинающегося гниения не было заметно, то в последнее время, когда через соблазны и тяжелые испытания созреет сокрытое в сердце добро или зло, гниение станет видимым. Тогда окажется, что внезапно этот плод полностью сгнил, ибо человек в первоначальной стадии, когда еще малый червь скрыт был в его сердце, не вырезал его. Этот человек не подчинился приказанию Божьему, не соглашался с волей Его; ему не хватало решимости соблюдать абсолютность Заповедей Божьих и в молитве и вере вести борьбу против греха. Сегодня, в это последнее время, сокрытое в нашем сердце становится явным, а именно: наше отношение к Иисусу Христу и к нашим грехам. И мы видим вдруг бесчисленных людей со следами греха, душа которых разрушена. Их облик стал обликом греха.

Но так же, как сегодня большая часть сердец человечества созревает для зла, для порабощения сатаной, а значит для ада, потому что греху дается полный доступ, — с другой стороны, вырастает и меньшая группа людей в великой Славе Небесной. В этой группе люди становятся добрыми плодами. Они не допускали малого червя в своем сердце, а смывали

зло непрестанно Кровью Агнца. Теперь этот плод сияет чудесной красотой, позлащенный дождем и солнцем, полный сладчайшего сока и восхитителен на вкус.

Эти верующие переживают полное избавление и преобразование в облик Иисуса, несмотря на то, что остаются грешниками до конца своей жизни. Слово "полное" имеет сегодня всеобщее значение. Они очищаются многими страданиями, через которые им пришлось пройти в последнее время. Они становятся преодолевателями тех искушений и испытаний, с которыми они неустанно сражались в вере против греха и сатаны. Но и среди верующих находятся многие, которые все больше и больше и, наконец, полностью поддаются власти сатаны. Живя вне Заповедей Божьих, они предаются всяческому грехам. Итак люди, признававшие раньше Иисуса Христа своим Спасителем и Господом, принимают на себя все больше отпечаток сатаны.

Поэтому и к нам обращен могучий голос Ангела Божьего, летящего в последнее время по небу и призывающего людей убояться Бога, то есть отворотиться от всех путей зла (Отк. 14, 6—7) и восклицаящего: "Настал последний час!" Сейчас решается вопрос о Высшем Небесном Блаженстве или адской бездне. Сейчас решается все. Обратитесь лицом к Небу, читайте писания тех людей, которые достигли его; внимайте им и обратитесь на этот путь!

Как бы слышится сверху голос победивших соблазны: "Мы ждем вас, настал последний час, чтобы вы приготовились!" Для этого нужна полная решимость: стремиться только к Иисусу Христу и следовать во всем Его Заповедям, веря в Его Победу, призывая Его Имя, бороться до последнего, восхваляя пролитую Им Кровь. Все должно быть приложено для этой последней борьбы. Ибо если Апостол Павел, быв таким избранником и последователем Иисуса, должен был так стремиться, чтобы достигнуть Небесного Сокровища (Фил. 3, 12), то насколько же и нам нужно приложить все усилия, чтобы достигнуть этой цели.

Чтобы побудить нас стремиться к этой цели, Иисус раскрывает нам в Откровении, в ужасе последнего времени — Небо во всей

славе его. Он показывает нам, что Небо предназначается для тех, кто прошел через великие страдания и нападки сатаны. После времени скорби Небеса раскроются и примут их навеки. В последнее время, носящее печать сатаны, Иисус являет нам Божественное Сияние Неба, дабы оно привлекло нас; чтобы страдания перед такой славной целью показали нам ничтожными и стоящими того, чтобы пройти через них. Этот призыв Неба и вечная слава и блаженство с Иисусом Христом — должны дать нам силу страдать во Имя Его, чтобы мы, которым предстоит пережить последнее время, смогли его не только выдержать, но и преодолеть все страдания.

Последнее время так же, как и само Откровение, несет с собой не только весть об ужасе судного дня. В той мере, в какой адская бездна раскрывается сегодня перед людьми и становится действительностью, в той же мере должно стать действительностью и Небо, как никогда раньше. Теперь, в последнее время, мы можем пережить небывалый Прорыв Неба на землю, который сильнее, чем прорыв ада на землю, хотя он и происходит сейчас с небывалой силой.

Теперь настало время Стефана. Это значит, что настало время не только ужаса и тьмы, преследований и мучений до смерти — нет! Мы вступили также и в то время, когда перед нами открывается Небо, которое Стефан видел во время своего мученичества. Он в просветлении обратился к Небу. В последнее время любящие Бога обращают лицо свое к Небу и Небеса раскрываются в своем сиянии, освещая их. Хотя ненависть, тьма, сатанинские козни и мучения выпадают им на долю, они погружены в Любовь Иисуса и в Его Небесное Сияние. Небо не останется бездейственным, когда раскроется адская бездна и люди на земле вкусят ужасы. Тогда Небо откроет, что оно сильнее, что Иисус сильнее сатаны, который только падший ангел. Окажется, что Небо может дать большую радость, мир и утешение и приносит это тем, кто верит в Иисуса и Его победу. Тот, кто верит в Прорыв Неба во время тьмы, тот убедится, что все земные страдания теряют силу в этой Небесной радости.

Да, в последнее время, как учит От-

кровение, открывается и Небо и ад. Ад поглощает всех, кто дал ему доступ во время земной жизни. Небеса раскроются перед всеми, кто открыл свое сердце Богу, кто стремился только к этой цели и старается достичь Царства Божьего и притом "любой ценой". Они войдут в Царство Небесное, в Божий град.

Они занимаются вопросами о Небесном Царстве и изучают жизнь тех, кто уже достиг цели и после земной жизни как спелые плоды были вознесены в Небесные Житницы. Они стремятся стать такими же преодолевшими, как и те у Престола Господнего, и идти тем же путем, что и они, ибо знают, что тогда и они достигнут цели.

ЧТО НАПИШУТ О ТЕБЕ?

Мал. 3, 16

Спрашиваю как-то своих друзей — серьезных христиан: вам известны библейские имена: Сови, Махир, Верзеллий Галадитянин? Напрягают память, задают наводящие вопросы: в какое время они жили и — пожимают плечами. И это вполне понятно. Еноха, Моисея, Илию мы знаем. Такие герои веры навсегда врезаются в христианскую память. Они — Божья слава и достойны того, чтобы мир знал их подвиги. Но вот в святой Летописи рядом с ними помещены более чем скромные имена, о которых мы знаем очень мало. "Сови, сын Нааса, из Раввы Аммонитской, и Махир, сын Аммила, из Лодавара и Верзеллий Галадитянин из Роглима" (2 Цар. 17, 27). И дело любви, оказанное ими царю Давиду в тяжелое время скитания, может показаться даже заурядным. Но Дух Святой — Автор и Вдохновитель Книги Книг — счел нужным запечатлеть их усердие на страницах самой важной Книги в мире — Библии в пример подражания всем нам. Давид, спасая свою жизнь от рук родного сына Авессалома, "пошел на гору Елеонскую, шел и плакал: голова у него была покрыта; он шел босой, и все люди, бывшие с ним, покрыли каждый голову свою, шли и плакали" (2 Цар. 15, 30).

В это, пожалуй, самое горькое время

жизни Давида, эти три человека не побоялись и "принесли постелей, блюд и глиняных сосудов, и пшеницы, и ячменя, и муки, и пшеница, и бобов, и чечевицы, и жареных зерен, и меду, и масла, и овец, и сыра коровьего, принесли Давиду и людем, бывшим с ним, в пищу; ибо говорили они: народ голоден и утомлен, и терпел жажду в пустыне" (2 Цар. 17, 27—29).

Эти люди не были праздными благодетелями с природной предрасположенностью покровительствовать нищим. Их любовь мужественна и рассудительна: своих услуг они не предложили Саулу или Авессалому, хотя сила, власть и весь народ стекались не к Давиду.

Без преувеличения можно сказать, что за свое расположение к Давиду они могли поплатиться жизнью. Попадись они разгневанному Авессалому с навьюченными продовольствием ослими, разговор был бы краток: он снял бы с них головы.

Я представляю, как собирали свой щедрый дар эти три друга, как обсуждали, что важнее всего захватить с собой. Один нес постели (кто знает: может, и последнее отдал!); другой торопился принести то, чем был богат: и овец, и масло, и сыра коровьего; третий насыпал мешки под завязку.

Постели, продукты... Они дей-

ствительно очень нужны в скитаниях. А вот блюда и сосуды — разве без них не обойтись? Но чья-то старательная рука и о них побеспокоилась. Как же они пригодились в пустыне! В спешке Давид уходил от восставшего сына — время ли думать о посуде? И нехвати ли посуду друзья, весь их дар мог оказаться просто обузой. К чему тогда мука и пшено? Ни хлеба замесить, ни каши сварить...

Любовь проницательна, все учтет, все наперед предусмотрит, даже жареные зерна. Это на случай, если Давиду невозможны будут остановки в пути.

Зерна незаменимы в путешествиях по пустыне. Это гарантии силы и хорошего самочувствия. Еще и сегодня многие жители южных стран, отправляясь в дорогу, непременно запасаются жареными зёрнами кукурузы, пшеницы.

Нет нужды говорить о том, как сгладило остроту изгнания это братское приношение. И горечь-то, кажется, стала меньше, терпимей. Преследуемый сыном, разве располагал Давид на такое сочувствие посторонних людей?! Разве забудет их доброту?! Бога увидел Давид в милых лицах друзей.

Слышу негромкие возражения, вижу осуждающе сдвинутые брови: стоит ли трубить на весь мир? Не перечислять же и нам свои добродетели? "Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая..."

Но Бог нашел нужным перечислить до последнего зёрнышка! Проповедникам Евангелия всех веков Бог повелел наряду с благодатью спасенья говорить людям и о даре Марии (Мф. 26, 13) и указал на лепту бедной вдовы (Мрк. 12, 42). Значит, это вещи немаловажные!

Во-первых, думаю, потому, что они наглядно учат нас любить Бога. Подвиг этих людей, возможно, многих и в наши дни удержал от безумно-жесточких поступков Навала: "Неужели мне взять хлебы МОИ и воду МОЮ, и мясо, приготовленное МНОЮ... и отдать людям, о которых

не знаю, откуда они?" (1 Цар. 25, 11).

Рядом с нами ходят люди, жизнь которых словно соткана из горечей, разлук, одиночества, какие они терпят за любовь к Господу. И ни в другую вечность они направляют свои усталые шаги, а в ту же, что и мы с вами. И такое же носят имя, как мы — христиане. И умиляются сердцем над строками того же Евангелия, что и мы. Но они годы ревностной юности, деятельной зрелости и умудренной старости провели в прокуренных подземельях тюрем. А их жены — в унижительных очередях у тюремных окошек, в нередких усилиях добиться положенного (!) свидания с родными, в томительных ожиданиях месяцами получить весточку из неволи.

Легче им становится, когда они на коленях. Это — место встречи, которое дает им Дух Божий. В этом невидимом общении — вся сила, вся отрада. Такое утешение на земле они получили за то, что добровольно покорились воле Всевышнего и безропотно стремятся исполнить ее до конца.

"Я хочу подать им чашу утешения,— шепчет ваша растревоженная совесть. — Но как это осуществить при моих столь ограниченных возможностях?"

Любовь, как и Бог, неисчерпаема. Повинуйтесь ее тихому зову, и она сделает вашу руку нежней материнской, когда вы будете утирать слезы гонимых.

Валентина Николаевна Батурина в бесчисленный раз упаковывала громадную сумку для поездки на единственное в год личное свидание. Старалась ничего не забыть. Ведь приходится буквально кухню в миниатюре брать с собой, чтобы не тратить драгоценное время у единственной плиты, где хлопочут много других женщин, приехавших на свидание. Класть было некуда, все, кажется, захватила, и только в конце свидания, когда Николай Георгиевич попросил белье, жена ахнула. Сердце оборвалось... Закружилась она, забыла...

Вздых облегчения вырвался у всех,

когда сестра, сопровождавшая Валентину Николаевну, протянула пакет: так, на всякий случай, захватила она из дома белье, носки, носовой платок,— словом, все, в чем может нуждаться узник. А у сестры и муж не был узником, и сама она не имела опыта в поездках по тюрьмам. Просто, сердце имела заботливое: а вдруг пригодится? И пригодилось.

Узник прислал родственникам письмо. Дорого каждое слово, каждая точка. Его перечитали несколько раз. И вдруг от листочка пахнуло слабым запахом духов... Как сохранился он, пройдя чад и угар табачного дыма?! Но это не была ошибка: листок действительно сохранил нежные знаки чьей-то любви. Кто же смог передать в неволю этот запах свободы, уюта и тепла родного очага? Это была жена. Она отсылала мужу вместе с письмом чистые листы бумаги и любовно прикасалась к ним духами. Муж ее вот уже второе десятилетие с малыши промежутками находится в неволе, а она в одиночку воспитывает 9-х детей и уже не здесь, а в небе ждет вечного свидания с дорогим мужем. И невольно вспоминается Мария, которая, разбив алавастровый сосуд, возлила драгоценное миро на Иисуса, и "дом наполнился благоуханием" (Иоан. 12, 3). Уже тогда были вопрошавшие: "К чему такая трагедия?", как и сегодня могут быть те, кто скажет: "К чему такие сентиментальные знаки любви и внимания к узникам?". Христос ответил всем: "Оставьте ее. Она доброе дело сделала для Меня".

Верю глубоко: в памятной книге у Бога отмечены все эти "мелочи", все дела милосердия, все знаки сочувствия ближним, а особенно страдальцам Господним. Ничто не забыто у Бога. Ни одна подпись, поставленная под ходатайствами об узниках, ни одно письмо узнику, ни одна баночка варенья, приготовленная из ягод, которые собирали сами дети,— ничто не останется незамеченным Господом!

А разве забудется когда-либо Богом такое далекое и такое родное письмо? Его прислала одна сестра наша в Гос-

поде секретарю миссии "Голос мира" в Австралии:

"Дорогой брат, посылаю тебе чек для приобретения теплой одежды страдающим нашим братьям и сестрам во Христе. Я очень жалею, что не послала его в сентябре! Однажды ночью я проснулась от холода. Я укрылась теплее и согрелась, но уснуть не могла. Я вспомнила о Галине Вильчинской в далекой Сибири и о всех-всех других, страдающих за веру, которые на ледяном холоде и ничего не имеют. Я не могла утешиться. На следующий день я пошла в банк и сняла деньги... Пожалуйста, брат, позаботься о том, чтобы эти деньги еще принесли пользу".

Есть на страницах Священного Писания повествования о жизни и таких людей, которые заставляют нас с тревогой оглянуться на себя и серьезно спросить: что же напишется обо мне в вечной книге у Господа? Неужели то же, что и о сыновьях Иаира и Авдона? Их было много, и всех их объединяло одно занятие:

"Иаир... у него было тридцать сыновей, ездивших на тридцати молодых ослах..."

"Авдон... у него было сорок сыновей и тридцать внуков, ездивших на семидесяти молодых ослах..." (Суд. 10, 4; 12, 14). А ведь о ком-то напишется отрадное:

"Они... не возлюбили души своей даже до смерти" (Отк. 12, 11).

"Они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым" (2 Кор. 8, 4).

"Я не имею никого равно усердного (подобно Тимофею. — *Прим. авт.*) кто бы столь искренно заботился о вас" (Фил. 2, 20).

"Марк... Иуст... они — единственные сотрудники для Царства Божия, бывшие мне отрадой" (Кол. 4, 10—11),

"Он (Епафродит. — *Прим. авт.*) за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасность жизнь..." (Фил. 2, 30).

"Внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга..." (Мал. 3, 16).

Что напишут о тебе?

КОГДА ТЫ
МОЛИЛСЯ
ПОСЛЕДНИЙ
РАЗ?

Ученики просили Христа: «Господи! научи нас молиться...» (Лук. 11, 1).

Бог хочет иметь общение с человеком, а молитва — это наш разговор с Богом. Когда мы склоняем колени, не нужно забывать, что Сам Бог жаждет слышать наши сердечные молитвы и отвечать на них. Человек на коленях непобедим именно потому, что имеет общение с Богом, а Бог с ним!

Некоторые считают, что молитва — это второстепенное дело, что предаваться ей должны люди свободные от труда, лежащие на одре болезни, пожилые, не обремененные семьей, имеющие много свободного времени.

Кого же, в таком случае, можно назвать мужем молитвы? Муж молитвы — это тот, хотя и не имеет свободного времени, но оставляет все дела и молится. Воистину молится тот, кто чем-то жертвует ради молитвы, а не тот, кто молится, когда ему нечего делать. Я не говорю, что плохо делает тот, кто молится в свободное время. Нет, это очень хорошо. Это во много раз лучше, чем ничего не делать. Но молиться тогда, когда у нас времени в обрез, и жертвовать ради молитвы снам — это уже много. Господь внимает таким молитвам и отвечает на них.

Какую важность имеет молитва, мы видим из истории Израильского

народа, когда «пришли Амаликитяне и воевали с Израильтянами в Рефидиме» (Исх. 17, 8). Моисей предложил тогда: «Ты, Иисус Навин, возьмешь людей с оружием и пойдешь воевать, а мы трое — Аарон, Ор и я — пойдём на вершину холма молиться».

Здесь Моисей очень высоко вознес то оружие, о котором мы сегодня говорим. Видимый меч из стали блестящей он доверил молодому человеку, а сам взял в руки невидимый меч. Потому что молитва веры и дело веры должны выступать совместно.

В среде народа Божьего есть люди, впадающие в крайность (сатана многих на этом уловил): когда Бог требует от них решительных и конкретных действий, они из страха ссылаются: «Нужно молиться!» Такое лукавство Господь никогда не благословит.

Нашу молодежь однажды вызвал следователь и сказал такие слова (по-видимому, слышанные или вычитанные им из христианской литературы, которую они изымают при обысках): «Христианин на коленях непобедим!» Он, конечно, преследовал другую цель: убедить верующих не ходатайствовать об узниках, а только молиться. Если наши гонители указывают на молитву без дел, то следует подумать что стоит такая молитва.

Моисей пошел молиться не потому, что боялся пойти в бой. Когда нужно, он готов был сам умереть (Чис. 11, 15). Моисей не жалел себя, не уклонялся от опасностей. Он считал молитву одним крылом, а сражение — другим. Слово Божье очень подробно описывает этот момент. Заметьте, Израиль одолевал Амалика не оттого, что Иисус Навин отлично владел мечом (хотя и это имело большое значение), но от молитвы мужей Божьих. Но сражение-то шло, люди-то на поле брани рисковали жизнью!

Да не впадет никто в искушение: когда Господь зовет нас решительно и открыто встать на защиту интересов Церкви Христовой, не будем оправ-

дывать малодушие тем, что мы молимся,— это лицемерие.

Христос молился не в свободное время. Для того чтобы побыть в общении с Отцом, Он зачастую жевал сном. Молитва и для Христа служила великим оружием: чтобы победить в Гефсимании, Он прибег именно к нему.

Петр, когда поддавался еще порывам плоти, ухватился за другое оружие, чтобы победить: он взял меч. Почему? Потому что, когда Христос молился, он спал. Если бы он тогда бодрствовал со Христом эти несколько часов, может быть, у него и руки не поднялись бы взять меч.

Подобное происходит и в нашей жизни: часто мы берем в руки меч вместо молитвы и раним ближних. «Господи, научи нас молиться»,— с этой просьбой и нам нужно почаще приходиться к Господу. Молиться обо всем, что приходит на память,— это не побеждающая молитва. Мы должны молиться о том, что глубоко тревожит наше сердце.

Один брат видел сон. Приходит к нему Ангел и спрашивает:

— Когда ты молился последний раз?

Брату этот вопрос показался странным.

— Перед сном...

Ангел снова повторил тот же вопрос.

— Перед едой и после я молился, и перед сном,— ответил брат.

Ангел с еще большей настойчивостью спрашивает:

— Когда ты молился последний раз?

Брат уже не знает, что отвечать. Тогда Ангел сказал ему:

— Последний раз ты молился, когда твоя дочь была при смерти. Тогда я слышал твою молитву. Больше ты не молился...

Я думаю, каждому ясно, какую молитву хочет слышать от нас Господь. Но это не значит молиться, когда постигнет большая скорбь. Мы должны всегда молиться и так мо-

литься, как молился Иаков: «...Не опущу Тебя, пока не благословишь меня» (Быт. 32, 26). Такая молитва приносит успех. Такую молитву Господь хочет слышать от нас.

Дорогой друг! Господь сегодня каждому из нас задает вопрос: «Когда ты молился последний раз?»

Можно молиться горячо и перед едой, если сердце горит со страданием к голодным узникам. Когда же сердце холодно, можно долго простоять на коленях, но без пользы.

Молиться нужно о вполне определенной нужде. Мне приходилось испытывать на себе, что плоть наша восстает против такой молитвы. Плоть не против общей, собирательной молитвы о всем и о всех, но когда мы начинаем просить Господа о чем-то конкретном,— сатана выстраивает тысячи препятствий.

Когда Христос пришел в Иерихон, слепой Вартимей громко кричал: «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня». Христос ему не ответил. Слепой закричал еще громче: «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня». Господь подозвал его и спросил: «Чего ты хочешь от Меня?» Казалось бы, все ясно, он просит: помилуй меня! Но это не конкретная просьба. Можно сжалиться и дать ему денег на пропитание — это тоже будет милость. Иисус повторил вопрос: «Чего ты хочешь от Меня?» Неужели Христос не знал, чего он хочет? Конечно, знал. Но Он побуждает слепого выразить насущную нужду. Поняв это, слепой сказал: «Учитель! чтобы мне прозреть» (Мрк. 10, 47—52).

И так Христос спрашивал почти в каждом случае исцеления.

Очень прискорбно, что многие не пережили не только радости услышанных молитв, но и прощения грехов не получают, потому что молятся лицемерной молитвой: «Господи, если я согрешил, прости меня...» Невозможно себе представить, чтобы Вартимей подошел ко Христу и сказал: «Господи! если

я слепой, помилуй меня...» Кто сомневается в своих грехах, значит, он праведник. «Чего ты хочешь от Меня?» — спрашивает сегодня Господь молящихся долгие годы и не получивших ответа. Когда ты в последний раз откровенно сознавался пред Господом в своих грехах, вопиял

к Нему, не смея поднять глаз к небу? «Взывают праведные, и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их.

Близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренным духом спасет» (Пс. 33, 18—19).

Э. Д.

МОЛОТ СЛОВА БОЖЬЕГО

Слово Мое... не погодно ли молоту, разбивающему скалу?
Иер. 23, 29

Пророк Иеремия, как видно, был и в каменоломнях, где наблюдал, как производилась добыча и обработка камня. Видел он, следовательно, и то, как рабочие, приставляя к скале большее долото, ударяли затем по нему тяжелым молотом. Глыбы не всегда откалывались после первого удара. Не давали иногда результата ни два, ни три, ни даже десять ударов; и требовалось их, подчас, до двадцати, тридцати, сорока и более, чтобы, наконец, на каком-нибудь сорке пятом ударе, отвалилась огромная глыба, которую затем дробили на меньшие куски. Правильно ли было бы о таком случае сказать, что первые сорок четыре удара были напрасны и что все зависело только от последнего, сорок пятого? Конечно, нет, ибо нужны были и все прежние удары. Только совместное их действие дало нужный конечный результат. Правда, внешних признаков близости его, после сорок четвертого удара, могло и не быть. И если бы рабочие, разочаровавшись, тотчас же ушли после него, то от труда их, может быть, не осталось бы и следа.

Скажите, верующий друг, не слу-

чалось ли вам молиться, например, о спасении кого-нибудь из близких, чтобы они познали Христа? Не предлагали ли вы этим, близким вам людям, Евангелие, не призывали ли вы их обратиться к Господу и не начинали ли вы еще усиленнее просить Бога об услышании вашей молитвы? Но так как ничего заметного все еще не происходит, вы готовы прекратить свои усилия?.. Смотрите, не делайте этого! Помните, что каждый «удар» что-то совершает, даже если ничего пока не видно! Знайте, что Слово Божье не возвращается тщетным, но исполняет то, что Господу угодно, и совершает то, для чего Бог его послал! (Ис. 55, 11). Не прекращайте молитвы! Если же вы это служение оборвете, то и прежние «удары» могут остаться бесплодными. Имейте терпение и продолжайте начатую молитву до успешного конца! «Должно всегда молиться и не унывать!» «Терпение нужно вам, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное» (Лук. 18, 1; Евр. 10, 36).

«И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас» (1 Иоан. 5, 14).

ПОЧЕМУ ХРИСТОС ДОЛЖЕН БЫЛ УЙТИ?

Г. ДРУММОНД

Лучше для вас, чтобы Я пошел. Иоан. 16, 7

Эти слова были сказаны Христом во время совершения Тайной Вечери. Подобно громовой молнии на безоблачном небе прозвучали они для учеников. Тридцать три года жил Он среди них, недавно только они научились любить Его. День за днем видели они в Нем сияние солнца, их сердца льнули к Нему с необычайной нежностью. И именно теперь, когда все достигло высшего предела, когда дружба их была навеки запечатлена в первом торжественном таинстве, раздалась неожиданная весть: «Я должен сказать вам — прощайте. Лучше для вас, чтобы Я пошел...» Это был потрясающий удар для маленького собрания. Ради этой любви они отдали все: оставили дом, дела, друзей и обещали следовать за Ним. А теперь Он говорит: «Я ухожу».

Посмотрим, что Христос хотел сказать этими словами. Быть может, они помогут нам понять наше отношение к Нему теперь, когда Он ушел.

Первое, что обращает на себя внимание,— это избранный Христом метод, чтобы объявить эту весть. Он очень характерен. Слова и поступки Христа всегда объяснялись самым естественным образом. Даже самое глубокое Его учение неизменно вытекало из, казалось бы, самых незначительных обстоятельств обыденной жизни. Так и теперь, Христос не сразу возвестил истину о Вознесении. Это вылилось само собой, по естественному ходу событий.

Вечеря окончилась; но у друзей было так много о чем поговорить между собой в эту торжественную ночь, что

они надолго остались за столом. Они не знали, даже не предполагали, что это была их последняя трапеза с Учителем. Но они чувствовали в этот вечер какую-то необычную сладость беседы и продолжали говорить. Уже совсем смеркалось, но Иоанн все еще возлежал у груди Господа, а остальные ученики наслаждались спокойствием торжественного вечера, передавая друг другу чашу. Но внезапно картина омрачается. «Один из вас предаст Меня». Обмакнув кусок, Он подает его Иуде Искариоту. «Дети,— говорит Он, и Его голос прерывается от волнения,— не долго уже быть Мне с вами». И затем: «Куда Я иду, вы не можете прийти».

Так как час был поздний, то они подумали, что Учитель устал и желает отдохнуть. Поэтому Петр прямо спрашивает: «Господи, куда Ты идешь? В сад? Снова в Галилею?» И никому из них невдомек, что Он говорит о Неведомой Стране.

«Куда Я иду,— отвечает Он вторично,— вы не можете теперь идти за Мной, но пойдете после».

После?! Эти слова Христа, как удар, обрушились на учеников. Смутно, сбивчиво перед ними начинает выясняться истина: это разлука...

Мы можем судить о произведенном на них впечатлении по следующим словам Христа: «Да не смущается сердце ваше». Он видит их ужас и смятение. Почти на каждой фразе Его прерывают ученики; вопросы, сомнения, просьбы объяснений чередуются между собой. Но страшной истины не скроешь. И Он постоянно воз-

вращается все к тому же. Он не хочет смягчить смысла слов, Он настаивает на том, что Он непреложен, буквален, и, наконец, говорит открыто и просто: «Лучше для вас, чтобы Я пошел».

Рассмотрим теперь причины Его ухода, зачем ушел Иисус. Мы, должно быть, также помним то время, когда сами не могли ответить на этот вопрос. Нам также хотелось, чтобы Христос остался и был теперь с нами.

Слова детского гимна вполне выражают истинное человеческое чувство, и сердца наши и теперь еще загораются, когда мы слышим его:

Когда я читал старую, милую историю,
Как Иисус жил среди людей,
Как Он собирал вокруг Себя детей,
как агнят,
Я думаю, что и я хотел бы жить тогда с Ним.
Мне хотелось бы, чтобы Он возложил руки на мою голову,
Чтобы Он заключил меня в Свои объятия
И чтоб я мог видеть Его ласковый взгляд, когда Он говорил:
«Не мешайте малым сим приходиться ко Мне».

Иисус имел основание разочаровать человека в его таких глубоких, общих всем, священных чувствах. И мы уверены, что эти причины тесно связаны с нашим же благом. Он ушел не потому, что утомился. Правда, что Он был презрен и отвергнут людьми. Совершенная правда, что безжалостный мир ненавидел Его, пренебрегал Им и попирали Его. Но не это заставило Его уйти. Правда также, что Он тосковал по обители Отца Своего, томился и жаждал Его любви. Но не это заставило Его уйти. Нет! Никогда Он не думал о Себе. «Лучше для вас, а не для Меня,— говорит Он,— чтобы Я ушел».

Первую причину ухода Он объясняет Сам: «Я иду приготовить место вам» (Иоан. 14, 2). И это упоминание служит

доказательством предусмотрительности Христа. Для каждого человека того времени, размышлявшего о жизни, самым жгучим вопросом было: «Куда ведет эта жизнь?» Настоящее, увы, было темно и необъяснимо, но будущее казалось более ужасной, неразрешимой тайной. Потому Христос и объяснил это, прежде чем ушел. Он дал образ и окраску неизвестному будущему, и только потому, что мы привыкли к этому, мы мало поражаемся великолепием идеи, открытой Им. Суть ее в том, что, когда для нас не будет больше места на земле, тогда для нас уже будет уготовано другое. Мы мало знаем об этом месте, но самое лучшее нам известно — это то, что готовит его нам Бог. Глаз не видел, ухо не слышало, сердце человеческое не может понять, что готовит Господь для любящих Его! Поэтому лучше думать о том, что Он, любящий Бог, готовит нам его, лучше успокоиться на этой мысли, чем предоставлять нашей фантазии изобретать подробности.

Но дело не ограничивается этим. Рассмотрим альтернативу*. Факт нашего отхода всецело зависит от Его ухода. Мы не смогли бы последовать за Ним после, как Он пообещал. Ему надлежало быть воскресением и жизнью. И это приготовление пути было отчасти приготовлением места для нас. Он приготовил место для нас уже самым путем, какой Он избрал для этого. А это был весьма удивительный путь.

Господь Иисус Христос пошел впереди Своего народа, стал Воздем нашего спасения, принял на Себя жало смерти и, отдавая Себя на казнь, подготовил Своим телом нам путь к вечной жизни. Благо для нас не только в том, что Он ушел, но и в том, что Он ушел путем Креста.

Второй причиной ухода Христа было желание оставаться с нами. Это кажется парадоксом, но это действительно так: Он ушел, чтобы остаться.

* Альтернатива — необходимость выбора из двух единственно возможных решений.

Предположим снова, что Он не ушел, что Он до сих пор еще здесь. Предположим, что Он еще в Святой Земле, в Иерусалиме. Каждый корабль, отправляющийся на Восток, был бы переполнен христианскими паломниками; каждый поезд был бы набит людьми, жаждущими видеть Иисуса; каждая почта была бы завалена письмами от страждущих и больных и дарами от почитателей и благодарных. Предположим, что и вы находитесь на одном из этих кораблей. После долгого плавания вы прибываете в гавань, переполненную кораблями под флагами всевозможных цветов. С великим трудом вы высаживаетесь на берег и присоединяетесь к одному из длинных караванов, направляющихся в Иерусалим. Вся пустыня, насколько можно окинуть взглядом, наполнена такими же караванами, бесконечной лентой движущимися к Иерусалиму. Вы не обращаете внимания на пыльное солнце, на затрудняющую дыхание пыль, на теснящую вас толпу и горячие пески. Вы — в Святой Земле и скоро увидите Иисуса! Вот, наконец, вдали видна вершина Святой горы со сверкающим над ней куполом храма, где находится Он. Но что это за темная движущаяся масса, растянувшаяся на целые версты между вами и Святым городом? Это все такие же паломники, как и вы, пришедшие с севера и с юга, с востока и с запада, чтобы увидеть Иисуса. Они хотят,

«чтоб Он возложил
на их головы руки,
чтоб Он заключил их
в Свои объятия».

Но это немислимо. Вы пришли, чтобы видеть Иисуса, но вы Его не увидите! Люди здесь уже недели, месяцы, годы и не видели Его. Они приблизились к Нему за это время на аршин или два, и это все! Увидеть Его невозможно.

Все это предвидел Христос, когда сказал, что полезнее для нас, чтобы Он ушел. Заметьте, Он не сказал: «необхо-

димо, чтобы Я пошел», но «лучше». Если бы Христос остался, то не достиг бы цели. Поэтому Он говорит вам: «Очень любезно и внимательно с вашей стороны прийти издалека, но вы сделали ошибку. Идите от стен Святого города, возвращайтесь через моря обратно, и вы найдете Меня там, где нашла Меня Самарянка, доставившая воду для своей трапезы; где нашли Меня ученики, чинившие сети; где нашла Меня Мария за хозяйственными заботами в своем селении». Действительно, что это была бы за религия, если бы большие душой должны были ждать очереди, подобно бедным пациентам у дверей доктора в часы бесплатного приема? Каково было тогда старику, слишком слабому для путешествия к Нему, или бедняку, не имеющему средств для этой поездки? Каково было бы слепому, не могущему узреть Его, или глухому, лишенному возможности слышать Его? Для миллионов людей было бы физически невозможно повиноваться призыву Господа: «Придите ко Мне... и Я успокою вас» (Мтф. 11, 28).

Именно для таких было полезно, чтобы Он ушел. Его отход был величайшим благом для всего мира. Теперь доступ к Нему совершенно свободен из каждого угла дома, в какой бы то ни было части света. Потому что бедные всегда могут иметь Его теперь с собой; больные душой не оставлены без врача; слепой может зреть Его красоту теперь, когда Он ушел; глухие слышат Его голос, когда все остальные для них безмолвны; немые могут молиться Ему, хотя не могут говорить.

Да, видимое воплощение Христа в силу слабых возможностей физического тела — было ограничено. Только небольшой кружок мог наслаждаться Его действительным присутствием, но для христианства всего мира нужен был Воскресший Господь. Для всех последующих поколений полезно было, чтобы Он ушел. Он стал ближе к людям, отдалившись от них. Ограниченность телесных чувств связыва-

ла Его, когда Он был с ними. Он был связан и пространством, и временем, но, отойдя, — оказался в бесконечной стране, в безвременной вечности, имея возможность в одно и то же время быть со всеми людьми даже до пределов земли.

Есть еще одна причина, почему Он ушел (хотя и это кажется парадоксом): чтобы мы могли лучше видеть Его. В самом деле, когда наш друг с нами, мы не видим его так хорошо, как в то время, когда его нет. Мы видим только мелочи, детали. Это похоже на то, когда вы любуетесь высокой горой: она лучше всего видна издали. Взбираясь на Монблан, вы видите немного: несколько скал, одну или две сосны, ослепительное снежное поле; но спуститесь в долину, и тогда этот монарх предстанет перед вами во всем своем величии.

Христос — самый исполненный образ в истории. Чтобы увидеть Его во всем величии, нужно быть сразу и далеко и близко. То же можно сказать и о всяком величии. Известно, что все великие поэты, философы, политики, ученые — никогда не были оценены своими современниками. Они вырастают пред нами по мере того, как уходит время. Только тогда их жизнь и труды предстают перед нами в истинном свете. Точно так же мы никогда не ценим своих друзей, пока не потеряем их. Как часто мы и не подозреваем всей духовной красоты жизни, прожитой вблизи нас, пока рука смерти не унесет ее. Полезно было для нас, чтобы Христос ушел, потому что только теперь мы можем увидеть все величие Его образа, оценить красоту и силу Его характера и почувствовать совершенную красоту и единство Его жизни и дел.

Еще одна причина. Он ушел, чтобы мы могли руководствоваться верой. Если бы, несмотря на все неудобства, Он остался с нами, то мы руководствовались бы видением. Вера постоянно старается именно уничтожить это стремление в нас... Для каждо-

го человека самое сильное искушение — это желание руководствоваться тем, что он может видеть, чувствовать и осязать. В этом сущность ритуализма, корень идолопоклонства. Люди хотят видеть Бога и поэтому создают грех самонадеянности, грех заблуждения. Эта попытка уничтожить уход Христа, попытка заставить думать, что Он все еще здесь. Но роковая ошибка этой попытки в том, что она уничтожает то, к чему стремится. Кто ищет Бога в осязаемой сфере — не находит Его, потому что Бог — Дух. В человеке горит желание узреть Бога. Желание это вложено в него для того, чтобы сделать его духовным, давая ему духовное упражнение, а он обманывает самого себя, упражняя тело вместо духа. Голос и нужда в Господе вложены в нас, чтобы возвысить нас над видимым и скоропреходящим. Но вместо того, чтобы предоставить духовному голоду возвышать нас духовно, мы способны унизить само орудие нашего одухотворения и заставить его служить плоти.

Для того чтобы одухотворить учеников, нужно было, чтобы Иисус стал Духом. Телесная жизнь человека коротка. Смертное умирает, освобождая бессмертную часть. Поэтому главная цель Христа — утвердить будущую жизнь. И Он дал испытание в вере, чтобы воспитать человека для бессмертия. Христос ушел для того, чтобы укрепить наш дух для вечности.

Вера играет такую важную роль в религии не потому, что в ней самой таится какой-нибудь глубокий таинственный смысл. Мы должны руководствоваться верой, а не видением не потому, что это необходимо для нашего будущего, а потому, что способность веры — это необходимейшая из всех способностей духовной жизни.

В будущей жизни не будет ничего плотского, потому что та жизнь всецело духовная. Христос заботится воспитать в нас веру, потому что видение будет бесполезно. В будущей жизни не будет ни глаза, ни зрачка,

ни сетчатой оболочки, ни зрительного нерва, и вера должна будет служить духовной заменой, а это-то Христос и желает развить в нас Своим уходом.

Но мы должны указать еще на более важную причину. Он ушел, чтобы мог прийти Утешитель.

Мы видели, каким образом Его отход был приготовлением к будущей жизни. Отсутствующий Господь готовит место нам; отсутствующий объект веры воспитывает души верных для обладания и наслаждения будущей жизнью. Но в то же время Он помогает нам пользоваться и настоящей жизнью. И Его уход так же важен для земной, как и для загробной жизни.

Однажды, когда Иисус находился в Перее, прислали сказать, что Его друг заболел. Этот друг жил в отдаленном селении со своими двумя сестрами. Они были сильно удручены болезнью брата и поспешили послать за Иисусом. Иисус любил Марию и Марфу и брата их Лазаря, но обстоятельства сложились так, что Он не мог пойти к ним тотчас. Быть может, Он был слишком занят; быть может, у Него были подобные болезни. Во всяком случае, Ему нельзя было идти. Когда же, наконец, Он отправился в путь, было слишком поздно. Сестры, не переставая, ждали Его. Они не верили, что Он не хотел отозваться на их призыв. Но часы медленно шли за часами, больной скончался и был положен в могилу, а Иисус все не приходил. Можете ли вы себе представить мысли Иисуса, когда, наконец, Он стоял у могилы и плакал вместе с безутешными сестрами? — «Лучше, если бы Я ушел. Я мог бы присутствовать у его смертного ложа, если бы не был здесь. Я иду и пришлю Утешителя». И не будет тогда ни одного скорбного призыва, на который Он не ответил бы. Он будет пребывать с людьми всегда, Он будет вездесущ. Он будет подобен невидимому, неслышному дуновению, дышащему повсюду, где Он хочет.

Истина о Святом Духе очень про-

ста. Люди останавливаются перед Ним в смущении, потому что они воображают, что это что-то очень таинственное и непонятное. Вся суть этого учения заключается в приведенных словах Христа, в них ключ к Нему. Дух Святой — это именно то, чем был бы Христос, если бы Он остался здесь. Он по-дает помощь, как подал бы ее Христос, но только без неудобств, зависящих от земных условий, так как Он не зависит ни от времени, ни от пространства. Более того, всем нам нужен Христос, но мы не можем иметь Его, или, по крайней мере, не каждый из нас может иметь Его. Единственное решение этого вопроса — это бестелесный Христос — Святой Дух, Который был бы близок каждому и всем.

Христос обличал мир греха, самоправедности и осуждения. Христос ушел, чтобы дать место лицу Троицы, которое могло бы иметь общение со всем миром. Он Сам мог обличать только отдельных лиц в грехах. Но в более широкой степени это стало возможно теперь, когда Он ушел. На это Он намекает, когда говорит: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Иоан. 14, 12).

И все-таки Христос ушел не для того, чтобы Дух Святой мог занять Его место. Христос Сам с нами. Он с нами, и в то же время Его нет с нами, так как Он с нами Духом Святым. Дух не открывает Духа. Он говорит не о Себе. Он открывает нам Христа. Он — связь между отсутствующим Христом и миром; духовное существо, могущее проникать туда, куда не мог проникнуть воплощенный Христос. Лучше было для воплотившегося Христа уйти, чтобы Всемирный Христос мог прийти ко всем.

Наконец, если все это было полезно для нас, то это необычное отношение Иисуса к Своему народу должно было иметь страшное влияние на нашу жизнь. Уйти — было громадным риском. Было ли это средство, избранное

Христом, полезно для нас, для меня? Во всяком случае, три великих практических результата очевидны:

1. Христос должен быть так близок к нам, как если бы Он был еще здесь. Ничто не упрощает так всю религиозную жизнь, как эта мысль. Присутствующий, личный Христос разрешает всякое затруднение и приходит христианам на помощь при всякой надобности или испытании. Для каждого из нас нужен Христос. И мы имеем Его. Ради нашей пользы Он стал на время невидимым, но нам дано право иметь Его

Более присутствующим в живом
видении веры,
Чем какое-либо видимое явление;
Более близким, более родным,
чем всякая
Другая земная связь.

2. Теперь взгляните, какое это побуждение к верности! Царство Небесное подобно человеку, отправляющемуся в далекое путешествие. Прежде чем уйти, Он обязывает Своих слуг и дает каждому работу.

Верно ли мы исполняем заданный нам урок? Принялись ли мы за него вообще? Глаз Господина не видит нас, никто не следит за нашей работой. Руби дрова, коси сено, жни хлеб — никто не знает что ты делаешь. Это-то и есть испытание нас отошедшим Христом. Он обучает нас верности, высшая степень которой недостижима никакими земными средствами. Ученики начали работать, когда Господь покинул их. Тогда они окрепли, приобрели энергию, практичность, уверенность и силу характера. До сих пор они пребывали под покровом Его любви. Приходило ли вам когда-либо на мысль, какой это был для Него риск — уйти? Было страшно, опасно предоставить нас самих себе. И, однако, Он избрал этот путь, чтобы возвысить нас. Ничто не возвышает так человека, как оказанное ему доверие. И Он ушел, предоставив нам испытать самих себя.

Мы не можем постоянно вкушать от Тайной Вечери. Мы наслаждаемся ею, как праздничным пиршеством, хотя только она может дать нам силу для труда. Мы думаем, что наши воскресные богослужения, наши молитвы, чтение Библии — это наша религия. Вовсе нет. Мы исполняем все это только для того, чтобы помочь себе быть религиозными в других отношениях. Все это ежедневная пища, и работник не получает платы за то, что ежедневно обедает. Плата дается за труд. Сила же причастия еще не определена. Последующие дни покажут ее. Само по себе оно может мало стоить, но мы увидим его цену по его действию на нас.

Христос возлагает на каждого причастника великую ответственность. Доверие Христа к нам несказанно трогательно. Он ушел, но мы должны быть подвижниками Христа для мира; Свет мира погас, но Он будет светить тысячами огней, предоставляя каждому из нас осветить хоть один маленький темный уголок.

3. В заключение вспомним, что Он ушел только на время. «Смотрите, Я скоро приду. Испытание скоро окончится. Будьте хорошими детьми, пока Я возвращусь», — говорит Он, подобно матери, оставляющей на некоторое время своих малюток. «Я возвращусь и приму вас к Себе, чтобы где Я был, и вы могли быть со Мною».

Итак, будем ждать, пока Он возвратится, будем ожидать, пока будет лучше для Него прийти.

Таким образом, я ожидаю спокойно
каждый день.

Когда солнце светит ясно,
я встаю и говорю:
Наверное, это сияние Его Лица!
А когда тень падает на мое окно,
у которого я работаю над
заданным уроком,
Я поднимаю голову, чтобы
взглянуть на дверь и спрашиваю:
«Не пришел ли Он?»

"УМЕРЩВЛЕН ВЕРНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ МОЙ"

...Не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа. Откр. 2, 13

Верный свидетель Христа — Антипа — жил там, где жил сатана, который не от случая к случаю заходил туда, как рыкающий лев, а жил там. Это было постоянное место его пребывания. И там же подвизался верный свидетель Божий. Кажется, какое неприятное соседство, даже, более того, опасное. Антипа же не только сохранил себя чистым в непосредственной близости с сатаной, но еще и был открытым свидетелем Иисуса Христа! Это верность полная!

Попав в затруднения, можно потихоньку, в душе, молиться Богу, перестать свидетельствовать о Христе, прекратить выполнять порученное Богом дело. Антипа не смотрел на обстоятельства, не уступал сатане ни в чем. Сатана понимал, что до тех пор пока Антипа жив, он будет возвещать о Господе. Единственную возможность, какую видел сатана, чтобы заставить Антипу замолчать, — это лишить его жизни, что он и сделал.

В те дни, в которые являл верность Господу Антипа, не отрекся от веры и Ангел Пергамской церкви. Господь похвалил его за это, о чем читаем в Откр. 2, 13. Одним служителям Господь допускает претерпеть насильственную смерть, как Антипе

(а в наши дни: Хмаре, Ване Моисееву, Библиенко, Остапенко, Дейнеге, Василию Друк и многим другим), чтобы остальные дети Божьи, взирая на их подвиг, не отрекались от Господа.

Сатана непрерывно преследует ревностных свидетелей Господних. В Едемском саду он соблазнил наших прародителей, и они не устояли. Он же толкнул Каина убить Авеля. О Каине сказано, что он был от лукавого — 1 Иоан. 3, 12.

Сколько зла причинил сатана Иову, но все было безуспешно.

В лице Иезавели сатана обосновался в царстве Ахава и разрушил все святое в людях. Но там же, благодарение Богу, ярким маяком горела верность пророка Илии.

Древний враг хитро соблазнял юного Иосифа в доме Потифара; грубо принуждал трех еврейских отроков, находящихся в плену Вавилонском, поклониться истукану.

Даниила он пытался опутать более утонченной сетью. От него он не потребовал открытого идолопоклонства, не заставлял отречься от Бога. Просто хотел сразить Даниила на пути "благоразумия": всего 30 дней, пока действует царский указ, не молиться открыто своему Богу.

Как этот коварный соблазн похож

на искушения наших дней! Сегодня ни от кого не требуют отречения. Убеждают только поступать "благоразумно": прекратить ревностное свидетельство о Господе и дать обещание прислушиваться более законов человеческих, нежели Божьих. И сколько сейчас "мудрых", которых никто не тревожит, жизни которых ничто не угрожает!..

Сатана приступал и к Самому Сыну Божьему, чтобы искушить Его, но был посрамлен. И не Христос отошел от сатаны, а сатана оставил Его — Лук, 4, 13. "Отойди от Меня, сатана", — сказал Христос в пустыне, и это решило исход поединка (Мтф. 4, 10).

Дети Божьи не избавлены от прорисков сатаны. Апостол Павел говорит о себе, что ангел сатаны удручал его всю жизнь. Бог допустил это, чтобы Его великий служитель не превозносился чрезвычайностью откровений (2 Кор. 12, 7).

Оказывается, для истинных детей Божьих есть благо даже от присутствия сатаны, хотя, нужно сказать, это — неприятное сообщество... Взвизывая на близкое присутствие сатаны, дети Божьи призваны хранить верность и одерживать победы во славу Господа, как одерживали их: Даниил с друзьями в плену среди идолопоклонников; Иосиф среди братьев, в доме Потифара и в темнице. Верность народа Господнего не зависит от обстоятельств, но от внутренней связи со Христом. Можно жить бок о бок с врагом душ человеческих и получить наивысшую награду за верность.

Верность Седраха, Мисаха и Авденага сияла ярче огненной печи, раскаленной в семь раз сильнее обычного! Торжественный гимн хвалы Всевышнему заглушил рев голодных

львов: "Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть лвам..." (Дан. 6, 22). Сколько мучеников Христовых спокойно предали Господу дух, как предали его верные служители Божьи: Стефан и Антипа!

Но даже там, где живет сатана, не всегда бывают гонения. Бывают терпимые обстоятельства. Угрозы есть, но нет особо свирепых действий. Тогда многие еще как-то служат Богу. Но когда наступают дни и Господь попускает сатане касаться жизни верных свидетелей, тогда верность — великое дело!

Апостол Павел послание к Ефесской церкви заканчивает так: "Благодать со всеми неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа". Один брат обратил внимание на слова: "со всеми НЕИЗМЕННО любящими Господа", то есть с теми, чья любовь к Господу не изменяется в зависимости от времени и обстоятельств. Будем и мы в любое время верными свидетелями Господа даже и там, где живет сатана.

Гонимые свидетели Христовы находят большое утешение в том, что все происходящее с нами известно Богу. Он знает, что Антипа находится там, где живет сатана, знает, что он там умерщвлен не как отступник, а как глашатай истины Христовой. Все это отмечено у Господа!

Возможно, в Пергаме сатана имел и тех, которые служили ему и осуждали Антипу за прямоту и решительность, и Антипа мог так и уйти из жизни непонятым большинством людей. Но Господь видел все. Он дал Свою оценку, и она провозглашена на все века: "Умерщвлен верный свидетель Мой!"

И. П. ПЛЕТТ

ДАР ДЕЛА

Имя Гаий (греческое «Гайос») произошло от латинского имени «Кайус», которое означало «радость», «веселие» и было так популярно, что во время бракосочетания невеста говорила своему жениху: «Убиту Кайус, иби эго Кая» (где ты, Кай, там и я, Кая). В Новом Завете упомянуто несколько человек, носивших это имя, а именно: Гаий Македонянин, который был спутником и сотрудником Апостола Павла в Ефесе (Д. Ап. 19, 29); Гаий Дервянин, который сопровождал Апостола Павла из Македонии в Асию (Д. Ап. 20, 4); Гаий Коринфянин, который был «странноприимцем» в том большом городе (Рим. 16, 23) и которого Апостол Павел крестил (1 Кор. 1, 14). Еще был один Гаий, которому Апостол Иоанн написал коротенькое послание (3 Иоан. 1 ст.). При тщательном изучении этого послания приходится прийти к заключению, что оно написано человеку, жившему где-то в Малой Азии, который пользовался особенной любовью Апостола Иоанна и который во многом может быть хорошим примером для нас.

Это послание так начинается: «Старец — возлюбленному Гаию, которого я люблю по истине». К сожалению, в послании не указано, в каком городе находился этот Гаий, зато в послании находим указания на некоторые очень важные качества этого человека.

«Возлюбленный». Так четыре раза называет Апостол Иоанн неведомого нам Гаия. Ему адресовано это послание, о нем молится Апостол (ст. 2), одобряет его действия (ст. 3), дает ему совет и указание. Слово «возлюбленный» первый раз встречается в Новом Завете в Божьем свидетельстве о Сыне Своём: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мтф. 3, 17; Марк. 1, 11; Лук. 3, 22). Это Божье свидетельство о Сыне Своём было повторено на горе Преображения (Мтф. 17, 5; 2 Петр. 1, 17). Эти Божьи свидетельства бы-

ли хорошо известны Апостолу Иоанну, и Апостол с полным сознанием называл Гаия «возлюбленным». Для этого у него было несколько причин.

1. «Возлюбленный! молось, чтобы ты здравствовал и преуспевал во всем, как преуспевает душа твоя». Вероятно, Гаий не был человеком крепкого физического здоровья, и Апостол молился о его физическом благополучии. Апостол Иоанн хорошо понимал разницу между телом и душой человека. Тело может быть слабо и болезненно, а душа может быть очень сильной. О духовном здоровье Гаия Апостол узнал от других: «Пришли братия и засвидетельствовали о твоей верности, как ты ходишь в истине». Наше духовное состояние бывает лучше видно другим, чем нам самим. В книге Судей написано, что остриженный Самсон не ощущал утраты своей силы и самоуверенно заявил: «Пойду, как и прежде, и освобожусь», и далее поясняется: «А не знал, что Господь отступил от него» (Суд. 16, 18—21). Потерявши общение с Господом, Самсон лишился силы, был связан, ослеплен филистимлянами и заключен в тюрьму.

2. «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине», — написал Апостол Иоанн о Гаие. Это как бы свидетельствует, что Гаий был из числа обращенных от служения Апостола Иоанна, который считал его своим духовным сыном и о котором радовался, что он «ходит в истине». Как важно не просто знать истину умом, а пребывать в истине, ходить в ней и проявлять это нашим отношением к Богу и к делу Его.

Тут допустим небольшое предположение, которое может пояснить радость Апостола Иоанна и причину возникновения послания к Гаию, которое написано ок. 80—81 г. по Р. Х., т. е. до ссылки Апостола Иоанна на остров Патмос, или же в 97—98 г. по Р. Х., т. е. по возвращении Апостола из ссылки. В обоих случаях Апостол Иоанн имел основание считать себя «старцем», да и для всего христианства он оставался единственным, из двенадцати Апостолов, оставшимся в живых. По свидетельству Евсевия

(Церк. История 3, 1 и 28; 1, 6) Апостол Иоанн в конце своей жизни трудился в Асии и умер в городе Ефесе, который считался главным городом этой провинции. Случилось так (до ссылки или после ссылки), что Иоанн послал некоторых братьев посетить церкви, принести им слово назидания и узнать об их обстоятельствах. В том городе, где жил Гаий, самым влиятельным членом церкви, а может и ее пресвитером, был некто по имени Диотреф (что значит «питаемый Богом»). Этот человек «любил первенствовать» и, чтобы возвысить себя, всячески унижал других. Апостолов Христовых он «поносил злыми словами», приходивших из других церквей или посланных Апостолом Иоанном братьев не только не принимал, но и другим запрещал принимать и изгонял их из церкви. В числе прибывших в этот город был некто Димитрий, о котором все, включая и Апостола Иоанна, были очень хорошего мнения, но Диотреф не захотел допустить его до служения.

Что же делал Гаий? Спорить и ссориться с Диотрефом было бесполезно. Но у Гаия был свой дом и некоторое имущество. Изгоняемые Диотрефом находили приют у Гаия. Это обрадовало Апостола, и он написал Гаию специальное послание, в котором отметил:

3. «Возлюбленный! ты как верный поступаешь в том, что делаешь для братьев и для странников; они засвидетельствовали пред церковью о твоей любви; ты хорошо поступишь, если отпустишь их, как должно ради Бога, ибо они ради имени Его пошли, не взявши ничего от язычников. Итак мы должны принимать таковых, чтобы сделаться споспешниками истине» (ст. 5—8).

Миссионерский труд от апостольских дней до нашего времени совершается двояко: имеющие дар слова и призванные к этому несут в мир благую весть; владеющие имуществом «принимают таковых, чтобы сделаться споспешниками истине», и во многих случаях «отпускают их, как должно ради Бога». Если эти слова Апостола Иоанна не всем понятны, то Апостол Павел написал Титу проще: «Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так,

чтобы у них ни в чем не было недостатка. Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах, в удовлетворении необходимых нуждам, дабы не были бесплодными» (Тит. 3, 13—14). Слова «дабы не были бесплодными» относятся к членам церкви, которые своим участием в нуждах проповедующих Евангелие приносят духовный плод для себя, о котором Христос так сказал: «И кто напоит одного из малых сих только чашкою холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мтф. 10, 42).

Гаий в неведомом нам городе в Малой Азии и Гаий в Коринфе попали в Священное Писание как странноприимцы. Если они не обладали даром слова, то обладали даром дела. Впрочем, в так называемых «Апостольских Постановлениях» (кн. 7, 46) сказано, что Апостол Иоанн поставил Гаия епископом в Пергаме.

4. В конце своего коротенького послания Апостол Иоанн пишет Гаию два предупреждения, а именно:

а) господство Диотрефа окончится его постыжением. Апостол обещает: «Посему, если я приду, то напомяну о делах, которые он делает». Вероятно, Апостол Иоанн намеревался сделать то, что Апостол Павел советовал Тимофею: «Согрешающих обличай пред всеми, чтоб и прочие страх имели» (1 Тим. 5, 20). Если Диотреф поносил Апостолов в их отсутствии, то в присутствии Иоанна было открыто его ничтожество.

б) «Возлюбленный! не подражай злу, но добру. Кто делает добро, тот от Бога; а делающий зло не видел Бога» (ст. 11). Как бы о себе человек ни думал и ни говорил, но если он не делает добра, то его слова — пустое обольщение; а если еще он делает зло, то он обманывает себя и других, когда принимает вид благочестивого и знающего истину. Апостол Иаков написал: «Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие. Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак. 1, 26—27).

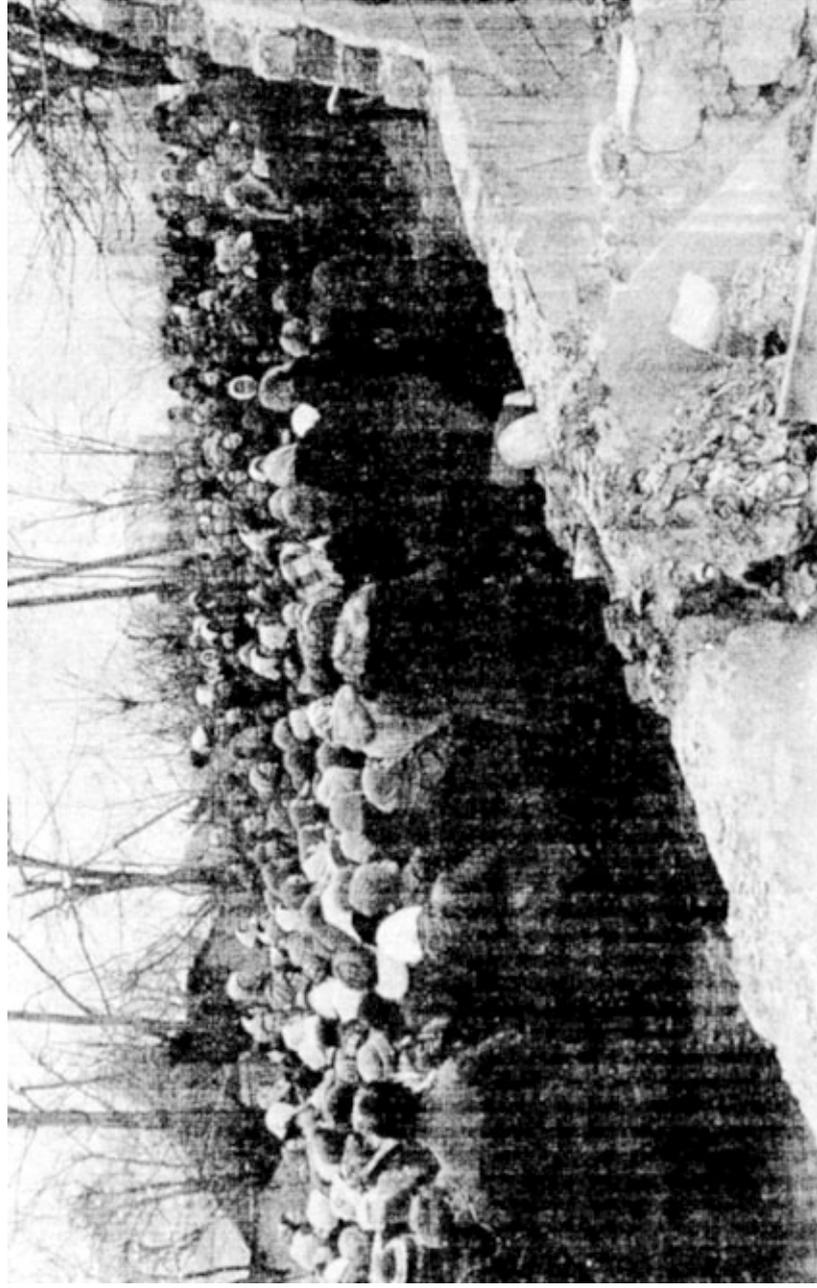
Далеко за пределами Кишинева известен дом по ул. Почтовая, 88. Здесь на протяжении последних 12 лет собирались верующие Кишиневской общины евангельских христиан-баптистов. Дом принадлежал брату Николаю Ивановичу НИКОРЕ и его жене Клавдии Ивановне и был доброхотно предоставлен ими церкви как плод жертвенного служения Господу. Немало пришлось пережить за этот период верующим Кишинева. Сколько было отрадных и благословенных общений, когда к Богу возносились молитвы покаяния новообращенных и церковь пополнялась новыми душами! Сколько прошло памятных праздничных богослужений, на которых имя Божье прославлялось и на музыкальных инструментах, и пением молодежного хора, и декламациями юных! И в то же время сколько было угроз в адрес хозяина дома за проведение общений! Сколько пришлось претерпеть разгонов, и даже с собаками, которые набрасывались на верующих! Сколько раз разрушали устанавливаемую во дворе дома палатку для проведения собраний! Но Николай Иванович, как хозяин дома, мужественно отстаивал свое право принимать у себя гостей — братьев и сестер по вере, и Кишиневская церковь, насчитывающая не одну сотню человек, продолжала собираться во дворе дома под открытым небом и в стужу и в зной. И вот 21–23 ноября 1985 года, чтобы лишить верующих постоянного места собраний, бульдозером полностью был разрушен дом брата Н. И. НИКОРЫ, снесен забор вокруг дома, выкорчеван сад ценных пород деревьев.

Дом брата Н. И. НИКОРЫ, где проводились собрания Кишиневской общины, бульдозером был превращен в развалины.

Брат Николай Иванович НИКОРА (хозяин дома) на развалинах разрушенного дома.

**Воскресное богослужение Кишиневской общины
у стен разрушенного молитвенного дома.**

Отрадно общение святых (Пересыпская церковь г. Одессы).

*«Обстоятельства мои
послужили
к большому успеху
благочестивания»
Фил. 1,13.*

г. Ростов-на-Дону.

**Хотя
служители
церкви
в узах —
юные души
отдаются
Господу.**

**В день 50-летия Магнитогорской церкви в музыкальном служении
участвовали гости: оркестр народных инструментов.**

Молодежь благодарит Господа за полученные сборники стихов «Верность».

**Дергачевская церковь (Харьковская обл.).
Сестры играют в оркестре, так как братьям
часто приходится отбывать 15-суточные заключения
за имя Иисуса Христа.**

Божьи университеты

(Выдержки из писем брата-узника Р. Д. Классена)

«Только в Боге успокаивается душа моя... Только Он — твердыня моя, спасение мое, убежище мое: не поколеблюсь более» (Пс. 61, 2–3).

В жизни каждого человека есть день и час, когда испытывается основание его веры. И благо тому, кто от души может сказать: «Только Он — твердыня моя... не поколеблюсь!»

Заключенные просили меня рассказать о моей вере, на чем она основана.

Один из них сказал, что современный человек потерял все и не верит ни во что.

Другой заявил, что он верит только в государственный казначейский билет; там, где есть деньги, — там жизнь, там благо. А я вспомнил свое детство, когда деньги пачками валялись на улице и мы пинали их, как мусор, потому что они обесценились после реформы.

Счастлив я сегодня, но не оттого, что после суда не конфисковали мое имущество (его в моей семье не так уж и много было). Сегодня я счастлив и мне тепло на душе оттого, что есть у меня много верных друзей. Знаю, что каждый из них хотел бы облегчить мои страдания, дополнить радость. Даже дети дошкольного возраста на листочке бумаги очерчи-

вают свои ручонки и просят своих родителей написать, что они молятся об узниках. Конечно, тепло становится от таких писем, душа тает как воск, и льются слезы умиления. Вот почему я счастлив при любых обстоятельствах.

■ Трудности есть, особенно для ветхого «адама». Вспоминаю слова мальчика, который ехал с отцом по дороге, а с обеих сторон стояли высокие тополя: «Папа, нам не проехать дальше! Впереди деревья сходятся!» — «Сын мой! Как только подведем ближе, деревья раздвинутся!»

Получил письмо со стихом утешения: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...» (Пс. 22, 4).

Должен сказать, что с тех пор как я услышал эти слова от моего дяди на суде в 1963 году (Вибе Отто Петрович, умер в лагере в 1964 г.), — они служат для меня лучезарной звездой. Эти слова и я хотел сказать в своем последнем слове на суде, но мне не дали. Находясь в тюрьме, где смерть не раз бросала свою тень на мой путь, чтобы устрашить меня, я уповал на эти слова: «Ты со мною, Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня».

■ Пишут мне: «Когда огорчение ты встретишь в пути... Христу сокрушение излей ты в тиши...» Этой тишины здесь найти трудно. В секции живут 150 человек! Радио не умолкает с подъема и до отбоя; на улице также везде прикреплены громкоговорители. Даже после отбоя люди постоянно ходят: кто в туалет, кто в курилку. Так что помолиться «закрыв за собой дверь» — о такой возможности не может быть и речи. У Иисуса Навина, когда он сражался с Амаликом, тоже такой возможности не было. Но зато у Моисея, Аарона и Ора она была, и при обоюдной поддержке Израиль победил.

■ «...Любящим Бога... все содействует ко благу» (Рим. 8, 28). Когда-то я на эту тему проповедовал, а теперь Дух Святой производит во мне определенную работу, из камня высекает Свой образ...

«Нечестивые подстерегают меня, чтобы погубить; а я углубляюсь в откровения Твои» (Пс. 118, 95). Когда Христос рассказал ученикам о предстоящих страданиях, то 70 из них отошли. Апостола Павла оставляли одного в страданиях, один Лука был с ним. Разве те, которые сегодня отрекаются от узников, делают не то же самое?

...Обстоятельства мои мало сулят радости, но когда я все неприятности кладу на одну чашу божественных весов, а на другую — все Божьи обетования, то мои страдания оказываются ничтожными по сравнению с той славой, которая откроется в вечности, и я не могу не радоваться в моем Господе.

...Невыполняющим норму разрешили оставаться после работы, и многое утряслось. Хожу на завтрак, получаю порцию хлеба и даже «ларек», который раньше отдавал за сетки. Не знаю по какой причине, но «деревья раздвинуться».

Не смущайтесь, что меня показывали по телевизору. Бог может и это обратить в добро. Лично меня это радует, как радовало и Апостола Павла, когда некоторые притворно проповедовали Христа, думая этим увеличить тяжесть его уз.

Однажды газета с клеветнической статьей о верующих попала в руки продавца. В газете был указан адрес верующих. Женщина-продавец хотела посмотреть: правду ли пишут в статье. Пришла на собрание, уверовала, оставила прежнюю работу и сама стала свидетельствовать о Христе другим.

■ Передо мной лежит открытка, присланная моими друзьями: на ладони спокойно сидит птенец, а внизу слова: «Ты не можешь упасть ниже, чем во всемогущие руки Божьи». Конечно, от такого ободрения я пою: «Пусть буря бушует...»

...Я не могу участвовать с вами в Вечере в страстной четверг, не имею возможности присутствовать на богослужении в пятницу, когда читаются повествования о страданиях и смерти Господа, но утешаюсь тем, что у вас — теория, а у меня — практика. Я не могу совершать видимую заповедь, но участвую в страданиях Христовых, а это — тоже счастье. Оно, конечно, является и вашим счастьем, дорогие друзья. «...Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после» (Иоан. 13, 7). Придет время, когда мы вместе с Иосифом скажем: «Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро...» (Быт. 50, 20).

Я вспоминаю первые судебные процессы, прошедшие над нашими братьями в 1962–1963 гг. Для нас это были времена скорби. Но именно в то время формировалась моя духовная жизнь. Я никогда не осмеливался думать, что когда-то стану служителем, и, глядя на верность братьев, хотел быть просто истинным христианином.

На предварительном следствии меня спросили, как я стал пресвитером. Я так и ответил: вы хотели гонениями, арестами причинить ущерб церкви, но Господь этим созидал Церковь Свою. Тяжело мне было слышать о смерти в узах моего дяди Отто Петровича Виббе, но именно это оказало решающее влияние на мое духовное формирование. Я благодарен Богу за эту драгоценную жертву.

Я тогда рассказал следователю, что бригадир, где работал Отто Петрович, был уже на свободе, и во время похорон он упал со слезами на гроб узника. Внуки, стоявшие у гроба дедушки, со слезами говорили: «И мы хотим стать такими, как дедушка!»

Гонения помогали мне ревновать о деле Божьем. В 1963 году я вынужден был оставить Караганду, потому что безбожники устроили против меня процесс на производстве. Я переехал в другое место и в общине дал согласие быть служителем не потому, что считал себя достойным, а потому, что в этой местности была крайняя нужда в служителях.

Если после и моего судебного процесса, кто-то твердо решит следовать за Господом, то этому послужат опять-таки, воздвигнутые гонения.

Мне предлагали пойти на компромисс, чтобы остаться в церкви, на свободе. Я решительно ответил: нет! Меня спросили: «Не жалеешь ли об этом?» Я ответил: «Церковь Христова подобна акации: чем больше отсекают ее ветви, тем шире она разрастается».

Напомнил им также слова В. Ф. Марцинковского, который писал о господствующей при царизме церкви так: «Государство не для того подчинило церковь, чтобы ее умертвить, но церковь подчинилась из-за того, что оказалась мертвой». Дальше он писал: «Все льготы и привилегии, предоставленные ей, всегда служили для нее золотой цепочкой, удушающей ее».

В заключение я сказал, что рад

жить в таком государстве, где по Конституции церковь отделена от государства. Виновным себя не признал.

■ В последнее время многие интересуются моими обстоятельствами. Хочу ответить всем: «Я ни в чем не нуждаюсь». Но это не значит, что у меня нет трудностей. Этот стих висел над кроватью у моего брата-наставника. Он более 14 лет лежал парализованный. Один из посетивших его сказал: «Этот стих не подходит вам, ведь вы нуждаетесь в здорье!» «Не знаешь ты ни меня, ни моего Господа! — ответил страдалец. — Когда я был здоров, Господь не мог использовать меня. Я нуждался в этой болезни». Многие верующие уходили от этого больного брата ободренными и по-другому смотрели на свои трудности.

Вспоминаю слово Н. П. Храпова на одном из совещаний служителей Средней Азии: «...во всем являем себя, как служители Божии...» (2 Кор. 6, 4). Он привел для примера металл, который прежде чем пустить в производство, проверяют в лаборатории при разных температурах на сжатие, разрыв, твердость и прочее, и, когда он выдержит все испытания, ставят штамп «годен». Так и служители Господни должны пройти сквозь огонь испытаний.

Вскоре после этого Господь и меня призвал на практику.

Во времена Апостола Павла не было, наверное, таких тюрем и лагерей, как сейчас! К нему могли приходиться друзья и даже жить где-то рядом с ним.

Мало того, что здесь каждый барак обнесен трехметровой оградой из железа и колючей проволоки, но и люди предают друг друга.

«Если есть Бог, то почему Он тебя не освободит?» — спрашивают меня.

«Потому что Бог с самого начала, как только я последовал за Ним, го-

ворил, что «все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы, — отвечаю я. — А вот почему Конституция не гарантирует мне той свободы, какая в ней провозглашена?»

Мне приходилось встречаться со многими трудностями, но ни один лагерь не может сравниться с этим. Как только меня привезли сюда, 17 суток продержали в изоляторе. Временами только открывалась «кормушка» в железной двери и я слышал: «Вот этот очкастый! Это тот сектант, которого показывали по телевизору!»

Неоднократные вызовы и угрозы заставляли меня вспоминать Хмару, Библиенко. Я думал: «Бог знает, какой смертью умер мой дядя Отто Петрович в 1964 году!» Вспоминал его последние слова на суде, и на сердце становилось светлее.

Трудно было, но теперь привык. Неспроста разожгли печь в семь раз сильнее, когда бросали туда трех отроков. Так нужно. Иначе мы не освободимся от пуг, которые мешают нам в служении. Тюрьма — это Божий университет, где христианин учится всему: и пищу есть, какую дадут; если не по вкусу, то вспоминаю пословицу: путь через язык короткий; на одежду лагерную неприятно даже со стороны смотреть, не только носить. Уроков унижения здесь достаточно преподносят. При желании здесь можно научиться любить врагов, молиться за обижающих, благословлять проклинающих.

Я часто пел о Церкви:

«Я рад иметь всегда
Общенье духа с ней,
Нести все тяжести труда
И крест ее скорбей».

Смысл этих слов дошел до меня только здесь.

■ Моя разлука с вами нужна была как для меня, так и для вас. «Золото испытывается в огне», как мне пишут.

На одной из бесед с администрацией лагеря мне задали вопрос, есть ли у нас учебные заведения для обучения служителей и где я проходил обучение. Я ответил: «Есть! Например, я прохожу обучение в лагере в Долинке». Да, здесь я прохожу практику, здесь испытывается самым суровым образом моя вера, моя любовь. А на свободе была еще только теория.

■ Я уже писал, что мне на ногу упал кусок железа, раздробил два пальца на левой ноге. Два брата (тоже отбывающих срок в этом лагере. — Прим. ред.) пришли меня посетить. За ними следом пришли двое, составили акт, одного из братьев лишили свидания. Через два дня и меня лишили свидания. На работу пока не хожу, только на проверку и в столовую, а это, в общей сложности, каждый день шесть километров проделывать...

Стоит в страну лучистую
трудной дорогой идти!
Стоит в борьбе за истину
сердце отдать свое!

■ «А я должен быть спокоен в день бедствия, когда придет на народ мой грабитель...» (Аввак. 3, 16).

Когда неприятели нападали на Израильян, то уносили не только золото и хлеб, но даже и ковчег завета, а людей, в том числе детей, уводили в плен; землю же обезображивали так, что на ней долгие годы нельзя было собирать урожай.

Сколько бедствий приносила война!

Пророк Аввакум пережил такие ужасы и пишет: «Хотя бы не расцвела смоковница и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец... в стойлах, — но и тогда я буду радоваться о Госпуде и веселиться о Боге спасения моего» (3, 17–18). Он не разочаровался в Боге, никого не винил, не сомневался, как некоторые: «...а мы надея-

лись было...» (Лук. 24, 21). Он не изменил своего отношения к Богу, веселился, что спасения у него никто не может отнять.

Замполит как-то во время обхода спросил меня: «Как дела? Будешь ли по окончании срока еще калечить детские души?»

— Я не калечил. В церкви не калечат, а лечат. И наши дети остаются благодарны служителям на всю жизнь. Об этом они пишут мне в письмах.

Не раз мне приходилось говорить о том, что я не виновен в предъявленных мне обвинениях. Я не посягал под видом религии на права граждан. Я «не под видом», а истинно верующий, и все мои дела были следствием моей веры. «Вера без дел мертва». Все что я делал, делал сознательно, по вере. И если бы за это и жизнь отняли, мое сердце не осудило бы меня в том, что я избрал.

■ Меня спрашивают, почему в настоящее время не совершаются чудеса. Я отвечаю: разве живая Церковь — не чудо? Да, дорогие мои, разве это не чудо, что челн Церкви Христовой продолжает свой курс, невзирая на шторм, непогоду?! Рулевым нашего челна является Сам Христос, и мы вправе сказать:

Я знаю, что где-то в борьбе
с непогодой
Плывут, не пугаясь волны,
Под рокоты бури, сквозь тьму
непогоды
Великого Бога сыны...
Плывите же! Трудно порою
бывает,
И грозно стихия ревет,

Но тихая пристань нас всех ожидает!
Смелее грэбите вперед!

Не будем страшиться трудностей. Люди, стоящие в стороне, могут осудить нас за ошибки, как Апостола Петра за маловерие. Но он все же шел по волнам! Сколько сегодня таких, которые могут красиво говорить, осуждать тех, которые идут против шторма, а когда предлагаешь им показать пример, они исчезают, как тот юноша, о котором говорил в проповеди Ярл Пейсти. Молодой человек верил, что канатоходец может перевезти человека на тачке через Ниагарский водопад, но когда ему предложили сесть в эту тачку, он моментально исчез.

Христос, «будучи богат, обнищал ради вас...» (2 Кор. 8, 9). Пришлось ли кому-либо из вас лишиться чего-нибудь ради Христа? Когда меня в лагере лишили одной, потом другой работы, дополнительного питания, ларька и самого дорогого в этих условиях — личного свидания, — мое сердце возмутилось, видя эти беззакония. И вот мне на память пришли эти слова: «Христос обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою». Тогда я стал благодарить Господа за эти лишения, и в моем сердце разгорелся огонь блаженства: «Блаженны вы, сердца равнодушные... что в сердце вашем помещается печаль других... учаством вашим сердце ободряется, спасибо вам!»

И вам спасибо, мои дорогие, за такие письма! Не будем смущаться, если нас ради Господа лишат какого-либо блага. Этой нищетой и мы будем обогащать мир.

***Если я пойду и долиною смертной тени,
не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл
и Твой посох — они успокаивают меня.***

Псал. 22, 4

ГЕНРИ ДРУММОНД

Влияние профессора Друммонда на его современников невозможно измерить большим количеством его сочинений.

Пожалуй, мало найдется таких писателей, которые бы имели столько горячих последователей, сколько и ожесточенных критиков.

Иногда не проходило почти ни одной недели без того, чтобы в Германии не появилась какая-нибудь книга или памфлет, в которых не разбиралась бы взгляды Друммонда.

В Скандинавии ни один из английских писателей, современников Друммонда, не пользовался, быть может, такой широкой известностью, как он.

Во всех частях Америки его книги распространялись необычайно широко.

Влияние сочинений Друммонда проникало во все христианские церкви и далеко за их пределами.

Но самое глубокое воздействие его трудов было скрытое, так как оно было личное. Большое число проповедей, произнесенных по всему свету, производили переворот в душах слушателей. Я готов утверждать, что ни один проповедник официальной церкви того времени не имел столько сердечных исповеданий, сколько имел их Друммонд. Мужчины и женщины шли к нему с сокровенными и горькими сомнениями, и каждому он был доступен. Личной беседой и перепиской он помогал жаждающим душам как мог. Он был заботливым пастырем и нежным отцом. Никакие признания не смущали и не удивляли

его. Для каждого он находил слово ободрения и надежды.

Он был горячим и отзывчивым другом, но сам никогда не искал расположения друзей и, по-видимому, не нуждался в этом. Все сокровенное его души было тайной между ним и его Спасителем. Он не был замкнутым, но никогда не говорил о себе и не рассказывал о переживаниях тех, кто доверялся ему.

Сколько сердец содрогнулось при вести о его смерти!

Генри Друммонд родился в Стерлинге в 1851 году. С детства он отличался жизнерадостным и мягким характером, причем религиозность его натуры проявилась уже в самом раннем возрасте. Он был обыкновенным ребенком, ничего в нем не предвещало его будущую известность.

Его считали независимым и не сколько непостоянным. Будучи юношей, он поступил в Эдинбургский университет, где отличался успехами в науках и ничем более. Кажется, он получил медаль по геологии. Подобно многим студентам, не ищущим дипломов, он был ленив.

В те годы он начал собирать свою библиотеку. Первым его произведением был томик цитат из сочинений Рескина. Рескин научил его видеть мир таким, как он есть, т. е. полным прелести и обаяния. Нередко Друммонд засиживался в поле, наслаждаясь красотой сгущающихся теней над только что вспаханной бороздой. Он восхищался как ребенок, глядя, как чуть выше, над темной землей, воздух был слов-

но залит растопленным янтарем.

Рядом с Рескиным он поставил Эмерсона, всю жизнь имевшего громадное влияние на его проповедническую деятельность и на его слог. Несходные во многих отношениях, они оба были оптимистами в высокой и благородной системе взглядов на добро, но с различным пониманием зла.

Г. Джемс говорил: "Гений Эмерсона отличался замечательной легкостью, прозрачностью, почти трогательным непостоянством и разбросанностью. То же в известной степени можно сказать и о Друммонде".

Друммонда привлекали также религиозные писатели Чаннинг и Робертсон. Чаннинг научил его верить в Бога благого и милосердного Владыку. От Робертсона он узнал, что Бог человеколюбив и что мы можем иметь с Ним общение, так как Он любит нас. Нельзя сказать, что знакомство с этими людьми было началом религиозной жизни Друммонда, но, тем не менее, только благодаря им в период студенческой жизни он начал постигать христианскую истину.

Тайна влияния Друммонда на окружающих заключалась в том, что он проповедовал только то, что пережил сам. Он освещал людям только те истины, которые Бог открыл ему лично.

Ко многому, что преподавали ему теологи, он относился не то, чтоб отрицательно, а, скорее, держался от них на почтительном расстоянии. Позднее он сам занялся теологией, усвоил и стал преподавать ее. Ум его всегда был восприимчивым.

Подобно Эмерсону он умел слушать людей. От каждого он надеялся узнать что-либо новое, и всякое изложение личных взглядов он считал достойным внимания.

По окончании университета он поступил в новую Коллегию в Эдинбурге для того, чтобы подготовиться к священническо-

му служению в Свободной церкви.

В 1873 году в Свободной церкви начал свою деятельность и Муди. Он произвел сильное впечатление в Эдинбурге и сразу в духовной работе привлек талантливых студентов. Он нашел, что молодежь этой страны имеет недостаток духовной пищи, и, по его мнению, наиболее полезным ей, в этом отношении, могли бы быть сами молодые люди. Свой проницательный взгляд он остановил на Друммонде и немедленно привлек его к делу. Результат был благословенный.

С первой проповеди Друммонд покорила сердца слушателей. Два года он посвятил евангелизации в Англии, Шотландии и Ирландии. Он стал прекрасным оратором, умел уловить тот важный момент, когда люди особенно близки к Богу, и пользовался им для спасения грешников.

Скромность, утонченность, ласковый и благородный характер Друммонда, его мужество и, главным образом, глубокая вера в Бога, привлекала к нему учеников везде, где бы он ни появлялся.

По окончании своего учения Друммонд некоторое время работал в других местах, и вскоре ему присвоили звание доктора по естественной истории в Коллегии Свободной церкви в Глазго. Здесь ему пришлось работать вместе с Марком Доде, и, как утверждал Друммонд, ни одному человеку в жизни он не обязан был стольким, как ему.

Здесь же он сказал целый ряд замечательных проповедей, опубликованных позже под названием "Естественный закон в духовном мире". Книга появилась в 1883 году. Первое ее издание в тысячу экземпляров разошлось тут же. В одной Англии затем было продано этой книги около 130 тысяч экземпляров, а издания на других языках не было числа.

Затем Друммонда назначили на профессорскую кафедру в Глаз-

го, которую он занимал до конца своей жизни. Несколько месяцев в году он читал курс геологии и ботаники. Своим студентам он имел обыкновение устраивать два экзамена в год. Первый, как он называл, экзамен по "глупости", на котором задавал самые обыденные вопросы: почему трава зеленая, море соленое, небо голубое, что такое лист и т. д. После таких "сократовских" вопросов он начинал чтение лекций и в конце экзаменовал студентов надлежащим образом.

В свободное время он много путешествовал. Трижды посетил он Америку и один раз Австралию. Результатом его путешествий по Африке была небольшая, но замечательная книга "Тропическая Африка", читая которую всякий может убедиться в глубине его знаний, наблюдательности, свежести слога и личной обаятельности автора.

Во время путешествий и при всяком случае дома он продолжал дело евангелизации. Его деятельность была обращена главным образом на студентов, на которых он имел очень большое влияние. В течение многих лет он ездил в Эдинбург только для того, чтобы сказать воскресную проповедь студентам. Его неизменно окружала целая толпа, состоящая главным образом из студентов-медиков. Не раз он проповедовал в Лондоне, и среди его слушателей было немало лидеров и всяких знаменитых людей того времени.

Часть его проповедей вошла в такие замечательные брошюры, как "Самое великое в мире – любовь" и другие.

Нельзя обойти молчанием особенностями его проповедей. Он не придерживался обычного трафарета. Приближался к предмету непринужденно, с полным пренебрежением к условности и обычной чопорности, с чем многие никогда не могли примириться.

В своей речи "Исповедь пре-

красной души" Друммонд говорил: "Наш главный долг состоит не в том, чтобы, подобно адвокату злого духа, вечно обращать внимание на наготу и слабость нашей природы, но, скорее, на то, чтобы отыскивать ее совершенства, которые могли бы нам помочь осуществить наши стремления уподобиться Богу".

Вместе с этим мы видим у Друммонда страстную преданность Иисусу Христу.

Друммонд с полным убеждением утверждает, что Христос может всегда удовлетворять все потребности человеческой души. "Корабль христианства перегружен, – говорил Друммонд. – Для хорошей погоды это, быть может, и не опасно. Но грянет буря, и груз будет кренить корабль в подветренную сторону..."

Друммонд призывал своих слушателей идти прямо ко Христу, но не к такому, который стоит в ореоле целого ряда побед, покоривших весь мир, а к Тому, Который открылся Иудеям на Галилейском озере, в синагоге Капернаума и в Иерусалимском храме.

Друммонд очень мало времени был в своем доме. Он путешествовал по свету и в живом общении с людьми находил дорогу к сердцам богатых и бедных.

Он отличался изысканным вкусом, всегда был безупречно одет и ценил комфорт цивилизации. Но он мог моментально отбросить все это и быть всем совершенно довольным. Он обладал безукоризненно честным и нежным характером, оставаясь и при этом всегда совершенно независимым.

Он никогда не был женат. Никогда не брался за дело, к которому не чувствовал призвания.

Книгоиздатели засыпали его соблазнительными предложениями, но ничто не могло его заставить писать, если тема не привлекала его.

Друммонд легко владел пером, но никогда не полагался на это.

Он писал блестяще и быстро, он мог бы стать прекрасным журналистом, но все, что он публиковал, было обработано с величайшей добросовестностью. Я никогда не видел более скорректированных рукописей, чем у него. Казалось, все, что он писал, доставалось ему легко, но за этим таился громадный труд.

Хотя он и носил духовный сан, но никогда не пользовался присвоенным ему титулом и предпочитал смотреть на себя как на простого смертного.

Он неизменно был в хорошем расположении духа и всегда свободен. В любую минуту он готов был каждому оказать дружескую услугу.

Никто, кажется, более Друммонда не подвергался так часто критике и ложным суждениям. Он же, со своей стороны, никогда не злорадствовал, не мстил и всегда отдавал полную справедливость способностям и характеру своих противников. Мне рассказывали, что он потихоньку хлопотал о продвигении по службе одного из своих наиболее резких критиков и добился этого.

Многие годы он спокойно работал над своей знаменитой книгой "Прогресс человека", куда вошли ранее им прочитанные лекции в Бостоне, которые привлекали громадную толпу слушателей. Книга вышла в 1894 году и разошлась в более чем двух тысячах экземплярах. Это произведение — самое замечательное из всего оставленного им.

С изданием этой книги деятельность Друммонда, как общественного проповедника, сама собой окончилась. Никогда не знавший что такое болезнь и печали, он неожиданно слег, сраженный каким-то невидимым и мучительным недугом.

Один из его врачей сообщил мне, что Друммонд страдал хронической болезнью костей, которая впоследствии страшно искалечила его. Более года ему пришлось лежать на спине, обе руки

его были искривлены, так что ему трудно было держать книгу. Писать же стало почти невозможно.

Долгое время его мучили острые боли. Вот тогда-то многие, ложно судившие о нем, пришли к истинному пониманию его характера. Те, на долю которых выпал суровый путь, смотрели на Друммонда прежде косо, как на баловня судьбы, не знавшего настоящего смысла жизни. Но когда удар поразил Друммонда в расцвете лет, на вершине счастья, когда ему была послана, говоря его словами, "бура и непогода прежде, чем он достиг берега", тогда оказалось, что его страдания освободили и раскрыли лучшие силы его души. Долгая борьба со смертельным недугом была зрелищем более чем трогательным. Видевшие его во время болезни замечали, как по мере угасания его физических сил росли его силы духовные. Всегда мягкий и внимательный, он стал еще внимательнее, нежнее и заботливее. Врачи могли с трудом заставить его говорить о болезни. Было странно, тяжело и в то же время поучительно видеть его живость, гибкость ума и сохранившийся ко всему интерес.

Доктор Барбук говорил: "Я никогда не видел больного, который бы переносил страдания, слабость и вынужденное бедствие так терпеливо, как Друммонд. Он словно их не чувствовал".

Конец наступил внезапно от слабости сердца. Окружающие лишь за несколько часов были предупреждены об опасном исходе. Друммонд лежал на кушетке в гостиной и перешел в вечность во сне. В открытые окна светило солнце и доносилось пение птиц. Не было ни слез, ни прощания. Его смерть не была похожа на смерть, но напоминала слова о смерти его друга:

"Отложим без вздоха в сторону изношенные орудия и перейдем в другое место для лучшего дела".

„Этого я не вынесу“

У моего брата был день рождения. Пригласили друзей. Звучали пожелания. Затем предложили спеть гимн:

С Богом, как дорогу дальнюю!
С Богом на труд и страдания!..
Видно далекое зарево,
С Богом, брат, до свидания!..

Это был необычный день рождения. Это был еще и день разлуки: брат оставлял дом и родную церковь и уходил на труд. Присутствующие понимали, что, возможно, не скоро придется встретиться с ним.

Мама, как впрочем, наверное, и все, кто провожает близких на труд в братстве, особенно переживала это событие. Она прекрасно понимала, что дело распространения вести евангельской, на которое она благословляет сына, может привести к узам, и все же говорила на прощание:

— Если ты не пойдешь трудиться, сынок, то кто же пойдет? Многие хоть и не скажут, но могут думать: «Пусть кто-нибудь другой идет на труд...» Но как же мы будем выглядеть в очах Господних, если каждый станет говорить: «Пусть мой сын будет дома, и я, глядя на него, буду радоваться и благодарить Господа, что он находится рядом со мной и в церкви. А на труд пусть идет кто-нибудь другой...» Нет, сынок, иди ты... Но знай: если я услышу весть, что тебя арестовали, мне будет трудно; но если я услышу, что ты не устоял и оказался неверным Господу, этого я не вынесу...

Горячей молитвой мы проводи-

ли брата на святое дело, пожелав ему быть верным до конца, до уз, до смерти.

И он пошел, поддерживаемый нашими молитвами. Трудился.

Настал момент, когда и в наш дом пришла весть, что брата вместе с другими тружениками арестовали. Приехали друзья взять сведения о нем и попросили пока не распространять тревожных вестей: думали, что, может быть, его еще отпустят.

Но как можно было не сказать об этом матери, молитвы которой были так дороги и необходимы сыну в этот час?! Кто как не мать будет стоять на коленях пред Богом и просить, чтобы Господь благословил первые шаги сына в неволе?! А если эта разлука надолго, то тем более молитвы нужны, чтобы Господь послал стойкость и верность.

Поехал я к маме и говорю: «Мама, все личные вещи... нужно убрать... возможно, будет обыск...»

— Что случилось?

— Арестовали...

Кто может измерить переживания матери?!

— Не надо плакать! — утешал я маму. — Господь не оставит его...

— Я понимаю! Я знала, что раньше чем на свидании я его не увижу; только сердцу не прикажешь...

Мы стали молиться. «Господи! Да будет воля Твоя! — молилась мама. — Даруй только верность сыну моему».

* * *

Этими воспоминаниями с радостью делился во время встречи узника его родной брат, теперь и сам узник.

Хочется верить, что мать этих сыновей и о втором своем сыне-узнике с тем же постоянством молится Богу: «Даруй только, Господи, верность сыну моему...»

На страницах нашего журнала мы помещаем некоторые приветствия дорогих друзей, живущих далеко за пределами нашей страны, но объединенных с нами в молитвах за успех дела Христова на земле. Мы безмерно благодарны Господу, что при всех гонениях и скорбях Он дает нам такую большую христианскую семью. Воистину для Слова Божьего нет уз, для любви Его — нет преграды, и к престолу Бога в небеса, как благовонное курение, возносятся молитвы любящих Его со всех концов земли. Слава Христу!

НАМ ПИШУТ

Дорогие наши братья и сестры во ХРИСТЕ, сердечно приветствуем вас именем нашего Господа и Спасителя ИИСУСА ХРИСТА!

Услышав о вашей твердой вере в Господа среди преследований, переживаемых вами, наши сердца были преисполнены чувством глубокой христианской любви к вам. Для нас непостижима та напряженность противодействия, которую вы испытываете. И хотя наши трудности не сравнимы с вашими, мы также знаем, что дьявол действительно ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить.

Направляя молитвы наши к престолу благодати, мы вспоминаем не только вас, находящихся в заключении за имя Его, но также ваших жен, детей и всех родных, переживающих разлуку со своими близкими. Мы просим, чтоб Отец Господа нашего Иисуса Христа укрепил вас по могуществу славы Своей через Духа Святого, чтобы вы продолжали стоять непоколебимо и приносили обильный плод во славу благодати Его.

Мы перефразировали Псалом 108: 21—31, как нашу молитву о вас:

Вседержитель Господь, призри на гонимых за имя Твое; ради благой милости Твоей спаси их. Они бедны и нищи, и сердце их уязвлено в них. Они исчезают, как уклоняющаяся тень, гонят их, как саранчу. Колена их изнемогли от поста, и тело их лишилось тука. Они стали посмешищем для своих обвинителей; увидев их, они кивают головами.

Помоги им, Господи, Боже наш; спаси их по милости Твоей. Да познают обвинители их, что Ты, Господи, соделал это. Они проклинают, а Ты благослови; они восстают, но да будут постыжены; рабы же Твои да возрадуются. Да облекутся противники их бесчестьем и, как одежду, покроются стыдом своим.

И совместно с вами мы посвящаем себя тому, что —

громко будем устами нашими славить Господа и среди множества прославлять Его. Ибо Он стоит одесную бедных, чтобы спасти их от судящих душу их.

Возлюбленные, мы благодарны Богу за ваши молитвы о нас и просим вас продолжать молиться о братстве в нашей стране, чтобы дьявол, используя условия религиозной свободы и недостатка физических страданий, не смог ввести нас в заблуждение и духовное равнодушие.

Объединимся же в молитвах и в распространении Евангелия, чтобы те, кто никогда до этого не слышали чудной вести

спасения, могли склониться на колени и провозгласить Иисуса Христа своим Господом, во славу Бога Отца.

Мы, нижеподписавшиеся, хотим разделить с вами ваши страдания и ту славу, которая будет проявлена в вас в день пришествия нашего Господа Иисуса Христа.

Подписали 149 человек, из них свыше 50 пасторов евангельско-баптистских церквей Калифорнии, США.

Майер Генрих и Эрихсмайер Юрген приветствуют всех братьев и сестер во Христе, которые гонимы за имя Его.

Дорогие братья и сестры во Христе Иисусе!

Мы знаем о вас и молимся, чтобы вы окрепли в вере и могли здоровыми вернуться к вашим семьям, а также ходатайствуем о вас.

Мы сами заключенные с длительным сроком, но мы слышали о вас от евангельских христиан-баптистов, дорогих братьев Якова Эзау, Евгения Беккер, Давида Классен, Гари Берген, молодежи и церкви и их семей. Они многим из нас здесь, в тюрьме, показали правильный путь и помогли на него встать.

Сердечность и откровенность вышеназванных друзей и наша обретенная вера побудили нас молиться и ходатайствовать о вас, которые за веру гонимы. Только с Божьей помощью и нашими совместными молитвами можно ваше положение облегчить.

Пусть Господь даст вам силы и уверенность и поможет никогда не унывать, потому что «Он Своих не оставит».

Поэтому, дорогие братья и сестры во Христе, мы будем молиться о вас и просим, чтобы вы молились о нас.

«Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Приветствуем всех вас именем Господа во всех путях ваших, а также и ваши семьи.

С Богом.

Ваши друзья и братья

Майер Генрих и Эрихсмайер Юрген.

Юный христианин из Кении (Африка) шлет братьям и сестрам в гонении следующие слова утешения:

Я часто молюсь за гонимые церкви. Страдание — это что-то неприятное для плоти. Слабое тело человека страшится страданий, и этот страх удручающе влияет на душу человека. Библия учит нас молиться друг за друга. Молитва есть и будет единственным средством, которое помогает перенести дни тяжелых гонений и скорбей.

Да, Иисус Сам сказал: «Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Мтф. 24, 9). Но в Библии мы находим и утешающие слова, которые укрепляют веру христиан: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот дьявол будет ввергать из среды вас в темницу, чтоб искусить вас и будете иметь скорбь дней десять (какой короткий промежуток времени!). **Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни**» (Откр. 2, 10).

Мы, дорогие братья, хотели бы вас утешить, но единственным утешителем является Дух Святой. Он укрепит и сохранит в вас веру. Итак, утешайтесь надеждою, что верным до конца приготовлен венец жизни.

Дорогие братья во Христе!

Господь особенно положил мне на сердце молиться о братьях и сестрах в России и для них жертвовать. Я выучила некоторые имена наизусть, чтобы специально о них молиться.

Слезы появляются у меня на глазах, когда я вижу фотографии дорогих братьев и сестер, как у них и во всех нуждах и искушениях такие сияющие глаза и они своего Искупителя так любят!

12 лет назад я обратилась к моему Спасителю. Раньше я была неверующая и хулительница. Я всегда поражаюсь, какой милостью, прощением и любовью Он нас окружает! Я благодарю моего Бога, что Он меня каждый день водит и мы так богаты в Нем.

Хочу просить вас, чтобы вы молились о моем муже, моей сестре и ее трех детях и внуке. Они неверующие, и я для них безумная, но лучше в мире быть ничем и иметь Иисуса, чем быть мудрым и погибнуть.

В любви и молитве соединены

ваша сестра в Господе Анна Кропфл.

МОСКВА

**Отпечатано в типографии издательства «Христианин».
Распространяется безвозмездно.**